

Полная стенограмма заседания:

1 сессия. «Современная политика: кризис демократии или кризис управляющих элит?»

Участники:

Федор Лукьянов – модератор сессии, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

Сергей Караганов – почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ;

Стивен Холмс – профессор права в Университете Нью-Йорка;

Андрей Мельвиль – декан факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ;

Кристофер Колдуэлл – журналист, главный редактор The Weekly Standard;

Надежда Арбатова – заведующая отделом европейских политических исследований (ОЕПИ) ИМЭМО РАН;

Шломо Авинери – профессор политических наук Еврейского Университета в Иерусалиме; заместитель генерального директора Министерства иностранных дел по делам Ближнего Востока в 1967-1969 гг.;

Александр Игнатенко – президент Института религии и политики; член Общественной палаты;

Борис Макаренко – председатель правления Центра политических технологий, директор общественно-политических программ развития Института современного развития (ИНСОР).

Федор Лукьянов: Я хочу поблагодарить всех пришедших в этот тяжелый климатический период и так рано. Мы очень признательны, что вы нашли время, возможность и желание здесь быть. Эта конференция была задумана несколько месяцев назад, когда мы с Иваном Крастевым обсуждали в очередной раз судьбы мира. Мы на мелочи не размениваемся, про Россию-то что говорить отдельно, мы обсуждали судьбы мира и поняли, что судьбы очень туманные и давно пора расставить все точки над всеми буквами.

И тогда родилась идея провести в Москве такое обсуждение, которое включало бы людей, специалистов самых разных взглядов, поскольку, что делать, как делать и куда двигаться, на самом деле не знает никто. Мы очень благодарны, получилось очень многомерное мероприятие с большим количеством участников, организаций, которые помогли и участвовали, кроме Совета по внешней и оборонной политике, который представляю я и целый ряд коллег здесь, это Европейский совет по международным делам, Немецкий фонд Маршалла, Центр либеральных стратегий в Софии, Институт гуманитарных наук в Вене. Особая благодарность от нас Фонду Горчакова.

Тема как-то родилась сама в процессе обсуждений, отчасти потому что Иван Крастев несколько месяцев назад опубликовал очень любопытную книгу на тему о том, что происходит с демократией в современном мире. Мы попросили его развить тезисы этой

книги в статье, которая была всем разослана. Это некие тезисы, от которых мы стали плясать. О демократии, о том, насколько она функциональна и дееспособна сегодня в России, говорят постоянно. У нас эти дебаты идут уже 20 лет и, видимо, будут идти еще столько же, поскольку мы находимся, похоже, где-то в середине того пути, который надо пройти до осмысления происходящего. Раньше было проще, потому что были образцы, были какие-то образы вовне России, на которые можно было ориентироваться и которые можно было приводить в пример как модели для подражания. Сейчас с этим становится все более непонятно, потому что те модели, которые были образцовыми, кажется, тоже переживают серьезный кризис. Собственно, об этом мы и хотели поговорить.

У нас совершенно свободная дискуссия. Мы попросили в начале каждой из трех сессий несколько человек подготовить очень короткие вводные замечания как начало для дискуссии, а дальше я попрошу всех свободно принимать участие.

Начинаем. Первым я передаю слово почетному председателю Совета по внешней и оборонной политике и декану факультету мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики Сергею Александровичу Караганову.

Сергей Караганов: Спасибо большое, Федор Александрович, для нас, русских, эта дискуссия необычайно важна. Я уже теперь говорю не о глобалистах типа Лукьянова и Крастева, я говорю с точки зрения посконного, кондового русского человека. Сейчас эта дискуссия очень важна, потому что Россия прошла 20 лет своего развития, не поняв, видимо, и не почувствовав, что она сделала и куда она идет.

И сейчас наша страна находится в очень интересном положении, гораздо более интересном, чем 22 года тому назад – тогда было понятно, что мы идем к демократии и капитализму, а сейчас никто не знает, куда мы идем, кто мы есть и куда надо идти и каким путем. И это одна из главных причин того, что происходит сейчас в Российской Федерации, когда мы говорим о наступлении реакции. Это, скорее, с моей точки зрения, не наступление реакции, это засасывание в интеллектуально-политический, моральный вакуум групп, настроений населения и маневрирование, для того чтобы выжить и как-то продолжить движение.

Сейчас, может быть, Россия может начать настоящее государственное и общественное строительство после двадцати лет. Но, во-первых, для этого мы должны понять, что мы есть и что мы упустили. А упустили мы две крупные вещи. Когда 20 лет тому назад мы совершали революцию, мы не обратили внимание на то, что главное в том, что мы должны были делать – это формировать нового русского человека, который воспринял бы возможно демократию, но в любом случае был бы более образованным, более патриотичным. А мы не обратили внимание на этого человека, надеялись, что рынок вывезет. Рынок не вывез. А сейчас мы имеем почти по всем показателям уровня человеческого капитала ситуацию гораздо худшую, чем 22 года тому назад.

Вторая крупная ошибка заключалась в том, что мы из политических соображений ввели массовую приватизацию, чтобы сломать хребет коммунизму, и тут я поддерживаю тот шаг, но мы не понимали, что собственность без права никогда не будет легитимна. И мы получили ситуацию, когда сейчас крупная частная собственность менее легитимна, чем 20 лет тому назад. Если бы сейчас возобновить демократические выборы, 75 процентов населения проголосовала бы за экспроприацию крупной частной собственности, а значит – и всей. Мы не понимали, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, самих себя и тех жертв, которые понес наш народ за годы коммунизма, когда систематически убивали всех самых сильных, самых умных, самых энергичных, когда убивали честь,

совесть, разум, многие другие вещи. Думали, что рынок все исправит. Он не исправил. Но сейчас мы стоим на этапе, либо мы пойдем к развалу, либо мы начнем строить по-новому, снова, не с чистого листа, конечно.

Я не могу сказать, что все, что было за 20 лет, было плохо. На самом деле было очень много хорошего, главное хорошее, что произошло, это то, что мы выжили. Это чудо. Мы не должны были выжить. Есть 200 политологических объяснений, я знаю нескольких коллег за столом, которые выдвигали объяснения, почему мы выжили, я согласен со всеми объяснениями, но придерживаюсь другого, одного: Господь Бог простил Россию за грех коммунизма. Другого объяснения у меня нет. Мы должны были рухнуть, но мы не рухнули. Поэтому есть надежда. Это первый тезис, нам надо понять, как двигаться дальше.

Второй тезис, конечно, заключается в том, что демократическим путем мы не пойдем, это мне очевидно совершенно, но каким путем идти, мы тоже не очень понимаем. Авторитаризм, который у нас есть, неэффективен, к тому же он основан на «женитьбе собственности и власти», а собственность в России, поскольку она нелегитимна и закона нет, можно удержать только двумя путями: либо ее вывезти за границу, либо поженить ее с властью, но при этом без закона эта женитьба не освящена богом, поэтому в любой момент власть может с тобой развестись. Поэтому эта женитьба тоже не постоянна. Это является глубинной причиной той страшной коррупции, которую мы переживаем. Но если мы пойдем в сторону демократии, то увидим, что она тоже переживает кризис. Иван [Крастев] в своей блистательной статье много рассказал об этом, я добавлю лишь два-три штриха к его картинке.

Почему сейчас мы говорим при кажущейся и действительной победе демократии, – никогда мир не был столь демократичен, никогда в таком количестве не было формально демократических государств, – почему мы говорим о кризисе государства, о демократии. Во-первых, конечно, потому что демократия распространилась на страны, которые не имели для этого гражданского общества, не имели, в том числе, прочного закона, и мы видим, что происходит с демократией в арабском мире. Вторая причина – это же относится, впрочем, и к России, – того, что демократия сейчас находится в некотором кризисе – это, конечно, потеря демократиями современными, ведущими демократиями способности к лидерству. А произошло это, с моей точки зрения, потому что мы жили 60 лет без войны и без угрозы войны. И без угрозы крупных социальных потрясений. Благодаря наличию ядерного оружия война ушла. И требования к правящим классам уменьшились. Вот почему правящий класс, например, в Израиле очень высокого качества, а правящие классы только нарождающихся стран иногда тоже бывают очень высокого класса. В России правящий класс довольно высокого класса, причем он только еще вышел из революции, а в нормальных странах люди выбирают себе подобных и, соответственно, мы прекрасно знаем, к чему это ведет с точки зрения лидерства.

Иван Крастев говорил о том, что его беспокоило то, что бюрократия отбирает демократические права в Европе, демократические права у населения. И это признак кризиса демократии. Я считаю, что это так, но есть и другая сторона вопроса. Тем не менее, обирать-то она отбирает, но и европейская бюрократия не может ничего предложить. Она отбирает, но не предлагает. Единственный случай, редкий, удивительный, прекрасный, был, конечно, когда европейская бюрократия посадила одного из своих – блистательного человека, мужественного человека Марио Монти на год, после чего он совершил прорыв, и его выкинули. Я действительно восхищаюсь этим человеком, это блистательный и мужественный человек, но в принципе мы видим, что

демократия, отбирая власть у народа, не может ее теперь вернуть. Это очень трудная дилемма.

Возвращаюсь к России. Одна из коренных проблем России – коррупция, причины которой я уже указал, медленное развитие, деградация человеческого капитала, не решается, естественно, ситуация усилением демократии. Но, с другой стороны, она не решается и нынешним авторитарным режимом. Мы находимся в очень интересной ситуации. Что нам делать? Мы будем слушать вас, смотреть, где мы можем в мировом опыте почерпнуть крупницы, которые вы могли бы использовать в своем собственном развитии. Некоторые уроки очевидны: без введения закона мы точно ничего не добьемся. Мы обречены. Но некоторые вещи совершенно неочевидны. Как доказал Иван Крастев, в современном рыночном обществе меритократия усугубляет социальное и экономическое неравенство, которое в России и так уже приобрело ужасающие размеры и не может решить проблем, даже если бы кто-то решил бы здесь ввести меритократию, которая никогда не являлась отличительной особенностью российской системы.

Аристократию мы тоже ввести быстро не можем, она была уничтожена, вот поэтому нам придется заниматься тем, что Иван [Крастев] великолепно назвал не «реформерами», а «реформистами», людьми, которые маневрируют и подхватывают лучшее из всего, идя постоянно, чувствуя ветер, но все-таки имея цель. Это цель богатая – свободная, мощная, великая Россия, потому что, к сожалению или к счастью, Россия, большинство россиян об этом писали, сотни людей до меня, последний раз я прочитал это у Бунина: Россия может быть только великой, хотя смешно такой стране, которая так бедна и так несправедлива, но мы не великими быть не можем. Идти к этому пути нам придется. Может быть, с помощью вас. Мы попытаемся вытянуть из нынешней дискуссии все, что возможно, для нашей работы, а СВОП, в свою очередь, сейчас готовит стратегию-XXI, которую мы представим через несколько месяцев руководству страны и нашему обществу, которая по определению является постмодернистской. Она совершенно не правая, не левая, не зеленая, не желтая, а другая.

Последнее, что я хочу сказать: три года тому назад у меня была длинная беседа с Ли Куан Ю, с которым я был знаком и до того. Я его спросил: MinisterMentor, а вы не боитесь того, что вас начнут сейчас преследовать, потому что вы являетесь как бы ледоколом нового движения против демократии, потому что в вашем кильватере пошли Китай и другие страны? А Ли Куан Ю – изумительно умный человек, он гений. Он очень прямой человек. И он мне тогда на этот вопрос не ответил. Это единственный вопрос, на который он мне тогда не ответил. Но несколько месяцев тому назад он выпустил книгу вместе с нашими друзьями - Греем Мэррисоном, Бобом Блэкуэллом и Генри Киссинджером, где в сжатом виде он представил свою философию. Там он сказал, что это его политическое завещание, там он не боится. Он сказал, что демократия, конечно, они взяли демократию «onepersononevote» по глупости, потому что колонизаторы им оставили эту систему, и что если бы у него были бы свободны руки, то он бы, например, совершенно точно дал бы большие права людям до 30, до 60, больше права людям с более высоким образованием при голосовании и многое другое. Но это не значит, что мы можем взять и скопировать опыт Ли Куан Ю, потому что, к сожалению, у нас нет Ли Куан Ю, хотя можно, конечно, надеяться, что Господь Бог еще раз простит нас и нам подарит Ли Куан Ю, но пока трудно на это надеяться. Спасибо большое.

Федор Лукьянов: Спасибо. Что касается Ли Куан Ю, мне кажется, сейчас уже вопрос не в том, боится ли он критики за тот курс, который проложил, а переживет ли этот курс его, потому что все-таки Ли Куан Ю уже постепенно уходит. Как совершенно справедливо заметил Сергей Караганов, он человек абсолютно уникальный, таких больше нет и не

будет в этой стране, в Сингапуре. Сможет ли система, которая держалась на его авторитете пережить его в любом виде, демократическом или менее демократическом, это, по-моему, сейчас очень открытый вопрос.

Еще мне очень понравилась ваша идея по поводу женитьбы собственности и власти. Брак собственности и власти, который не освящен церковью, но, мне кажется, как раз в этом направлении сейчас предпринимаются шаги.

Сергей Караганов: Я сказал не церковью, а богом, то есть – законом.

Федор Лукьянов: Хорошо, значит, я неправильно понял, а то я обрадовался, потому что как раз в этом направлении мы сейчас работаем. Спасибо большое, хорошее, очень емкое вводное слово. Сергей Александрович призвал всех нас давать советы нам всем же, поэтому я передаю слово профессору Стивену Холмсу, человеку, который великолепно знает Россию, еще лучше знает мир и поэтому просто идеально нам подходит.

Стивен Холмс: Thank you very much. So what I want to try to do in these few minutes is to clarify some of the differences, some layers in differences about democratic presence, about different ways in which it disappointing the democracy in Russia and in the rest of the world. After all we live in the century of China when decoupling of democracy and economic prosperity doesn't create mechanism, so that's obviously the main contact. Unlike safe course for Europe, where the democratization helped domesticate, make Germany safe for the rest of the humanity (and it was at 1940s after that it was euphoria about democracy. And of course after 1989), now we have another loss of euphoria after the Arab spring and of course the terrible fails of democratization in Iraq and Afghanistan.

So it makes that we've got a feeling that this is not working for sure. But I think, I also believe that there is difference how to get out and make some suggestions and I hope the rest of you can help us to find this. I live partly in Italy for example and there we have also a strong feeling that democracy makes no sense to try to influence the content of law if so many people disobey the law. So actually this is real done to Russia I was in state of witness as itself a problem for democracy that's a simple way to try, but not a similar.

In regional populations there is a conflict, this is a source of dissolution of the democracy I think in Europe and US. There is a conflict between democracy and demography. Because democracy tends to represent the last generations demography and here for representatives of the last generations demography are not going to vote for a policy which integrates the new groups. It is very widespread left right distinction, which is: important democratic politics doesn't work well with the immigration problem, tolerance has a beauty increasing ideology of the reach – there are couples that need workers and housewives need servants so it's not view of a liberal idea anymore. And hater of Obama very much. Part of the hater represents the people, the idea that America will become a mixed race nation. Now America is already a mixed race nation. But that's a kind of a point of violence. It's the problem. So democracy and demography is the universal issue how that works and it causes discontent in system.

As I understand there are two contrary ways of thinking about the relation between elites and democratic majorities. One of the Turkish situations is that urban population of Internet users is going to be half voted by a vote population of TV-watchers. So there is a sense that the end of democratic anomies caused by social conflict between groups. That is a fear of the order. Minorities' gaudery for problem that we call 1% problem which is honestly the national problem. We have a lift, American lift, as workers in China, it doesn't need a mass army, and it has no guilt about tax evasion. The connected tissue between the economic elite and the rest of

the society is weakening, so anywhere you see the opposite position not only in describing Turkey.

I don't think either in US it is. And I don't know whether that's in Europe. In US neither these problems nor that – we have these problems somewhere somewhat. But we definitely have the 1% problems. But neither of them seems socially with the mediocrity of our political class. Because we do have a very mediocrity and capable and confident political class. But it's a problem, isn't it globalize? That is important. We have political technologies which is a wrong point even of the autistic. It has power of the whole world, it's ability to understand the countries which influence of making decision is very-very weak. And in fact this in confidence I would say is a failure of a democratic capability or it's the success of our politic at manipulating.

So capability and methods of capability exist in Congress, it can apprise a war and of course it's wide to first and once it apprise it can no longer criticize. So these systems of a capability are manipulated also by line and this is very relevant to the recent issues about technology, about the relevance. Because for democracy to feel healthy, it has to be a stable relation between privacy and secrecy. The government has so long secrecies and for the public to have some privacy. But it's important between secrecy and privacy shifts very rare so the government has very much secrecy and the public has very little privacy. The idea that the government is working for us disappears.

So that's a sense that the concept feels fun when we have this. Plus the way in which expert knowledge is prevented from effecting policy in the United States, is precisely (paradox) hiding from the public. Because what secrecy does? The secrecy prevents the public and press from knowing about decisions made for example: (liquidation of) the Lemon Brothers when it happened or winning the war with other countries and so on.

In order to prevent other experts in the government from knowing what you do you have to be highly secret. So the secrecy from the public is really instrumental to prevent other elites, knowledgeable elites from having added voice in ultimate. The problem obviously of any politic system is to give power to knowledge. And when you give people the power of knowledge, it seems to be the issue. Well one of the problem with this is the insulating the government in the bureaucracy from any form of accountability prevents that from appall. Because elites are listening with knowledge, that's relevant, correct errors they made inside the ministries. And if they don't know the decision what happening and so they can not correct it. This is not over exposure of the political system to the public its insulation from public. And I think that's probably, may be even more true if bureaucracy would be more fragrant.

Now this is the reason why it might be the legal point of view, the most important riding upon the relation elite recruitment and democracy, it must be 1918, there was even parliamentarism. And inside there was the Germans who were losing the war. A bureaucratic class is idiotic, because it's a kind of a rot. Bureaucrat's royal finding the last word they do not think they had, they need to be kept, they need some external. Now they need generalists or they need a political system that's capable of knocking about the rot. And what happened to Germany when Bismarck was in parliament and had so little power, he had no responsibility, no power. And there was no place he could recruit elites. Unlike Britain where under this realm and plazdarm you had a responsible parliament which was knowledgeable and therefore was a place where intelligent people went to learn the route.

This is very unlike the idea that the Chinese who set there standard for how to recruit elites but it's parliamentary system with contestation and with the strong opposition with responsibility inside the government. That allows people who are talented to recruit people with talent and train

them to take vote. Of course that is not saying that it works. Particularly well it doesn't single World War. This may be however and that's one of the point, sorry about this.

The two-party system - just to speak a little about capability of democracy and meritocracy. The two-party system has the following characteristics: if I am Helmut Kohl, I can eliminate all the media, all the talented people around me. I don't want the riots. But I can eliminate the talented people of the other party. So you have the way in which the desire of leaders to be about everyone else and to eliminate possible rivals can be under mark in the contrary by having two parts.

It doesn't solve a problem of the mediocrity of our political class. And I can say just plus few points. It may be this problem that we would face today are so great that no political system can able: democratic or autocratic, climate change and immigration, technological changes. The ability of political systems to control what technologies are invented is very small, little. I don't know. That's a very big problem we have and no political system can solve it. It is true that elites of many corrupt and incompetent elites around the world are afraid of elections. And we should in our discussion we need to take that 'elections cause fear'. And that means that they have some power. That is a necessary of course to meritocracy.

And about our last point. I think that even though politics and democratic problem is about (based on) promising and disappointing. So one of the reason for disappoint the democracy is that democracy organizes competitive over promising. And competitive over promising needs two problems which is once you elective you become hostage to permanent bureaucracies and to pay economic entrance. If you are not doing you are not going fulfill your promises. So I think this is basically trying to manage that gap. I don't know how that could be done in the world but the problem is so pretty. I doubt very much that the problem is only that the political elites are governing classes. In US there are governing classes facing problems that are too complicated and they really communicate well to the public. I think they understand the problems themselves very well.

Федор Лукьянов: Спасибо большое, мне особенно близка мысль по поводу того, что выборы в большинстве стран сейчас вызывают ужас, в Европе, например, такое впечатление, что что-то делать и управлять можно, только пока нет выборов. И в Греции, и в Италии, во всех странах технократические правительства способны хоть что-то сделать. Когда приходят выборы, выясняется, что все на этом заканчивается. Сергей Александрович, вы хотели один короткий вопрос.

Сергей Караганов: Россия с точки зрения развития политической системы и общества находится лет 100-150 тому назад по сравнению с европейским обществом, условно, в некоторых отношениях мы очень передовое общество, очень либеральное и открытое. Но, тем не менее, с точки зрения гражданского общества, с точки зрения сознания, с точки зрения институтов мы находимся лет 100-150 тому назад. Лет 100-150 тому назад демократические системы там, где они родились, были в высшей степени элитарными. И когда профессор Холмс говорил о парламенте при Дизраэли, мы знаем, что там кроме выборов существовал еще очень жесткий договор элит и аристократии. Мы знаем, что жесткий договор элит существовал в США на протяжении всей истории строительства, почему, кстати, Америка и построила столь быстро и эффективно развитое, глубоко эшелонированное и эффективное демократическое общество. Какова роль элит сейчас?

Складывается впечатление, что элиты тоже вымываются, либо экономические элиты уходят в оффшоры, а локальные элиты не могут договориться. Что можно из старого вашего опыта взять России? Я, конечно, не призываю нас взять великолепный опыт

Америки, поскольку она управлялась в значительной степени масонскими ложами, как говорят у нас ненавистники Америки. Но, в принципе, в Великобритании совершенно очевидно, что долгие годы и аристократия, и элиты имели некий общественный договор, который они корректировали на выборах, но который они навязывали обществу. Что мы можем сейчас увидеть у вас, что вы можете предложить нам из вашего прошлого опыта? Спасибо.

Федор Лукьянов: Спасибо, это дополнительная тема, сквозная. Андрей Юрьевич Мельвиль, декан факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, пожалуйста.

Андрей Мельвиль: Спасибо. Коллеги, я хотел бы начать с небольшой ремарки, которая некоторым моим коллегам может показаться неполиткорректной. Дело в том, что меня всегда волнует то, с каким интеллектуальным сладострастием интеллигенты, живущие в условиях недемократии, вдаются в искушение критики демократии где бы то ни было. И, в общем, вне всякого сомнения, проблематика кризиса демократии заслуживает самого внимательного анализа, но я здесь себе бы предлагал думать еще и о том, что для разных миров проблемы стоят по-разному.

Есть проблема кризиса, избытка демократии и всего, связанного с этим, и есть проблема дефицита демократии, и это тот критерий, который хорошо бы иметь в виду. Сейчас, если мы посмотрим на литературу последнюю, мы видим такую модную, почти эсхатологическую тему, я не буду даже имен называть, это на поверхности, - в общем, о кризисе современной демократии не говорит только ленивый или тот, кому демократии просто не хватает. Есть совершенно внятные внешние признаки, и в материале Ивана Крастева многое из этого было отмечено: и падение эффективности в развитых демократиях, и глобальное торможение демократической волны в развивающемся мире, и подъем мощных альтернатив в плане развития, о чем Сергей [Сергей] говорил, - и Китай, и Сингапур, и, я бы сказал, Казахстан, Россия, и так далее, и стабилизация новых авторитаризмом, и стабилизация гибридных режимов, которые, как оказалось, никуда не движутся, не находятся в транзите. Они дошли до стабильного положения, достигли определенного эквилибриума, равновесия и замерли в этом состоянии. Ко всему этому я бы, не навязывая свою точку зрения, относился бы с щепотью соли.

Дело в том, что в моем представлении кризис – это вообще природа демократии. Не согласие, а кризис, попытки преодоления кризиса посредством вхождения в новый кризис – это природа демократии. А демократия – и современная и несовременная – возникала как инструмент работы с кризисом и с кризисами. И кризис для самой демократии – это органическое естественное состояние демократической самокритики и делиберации. Идиллия демократической эйфории рубежа 90-х годов – это исключение. Этих идиллий не было в XVIII, XIX, XX веках и нет и сейчас. Какие же есть, тем не менее? Как мне представляется, я предложу заметки, какие есть глубинные проблемы демократий, на которые придется, видимо, реагировать, отвечать, формировать свои ответы тем, кто живет в условиях недемократии, но стремится к движению в определенном направлении, хотя это получается очень скверно.

Воля большинства и воля меньшинств. Вот это встроенное напряжение, я помню, говорилось много в прошлом, пятьдесят лет назад, о бунте большинства, не происходит ли бунт меньшинств, восстания меньшинств, на которые современная демократия так или иначе должна реагировать. Второе напряжение, о котором много говорилось и писалось, но без того, чтобы дать какой-то рецепт, демократия и либерализм, права человека, где балансы, как найти баланс между демократическими свободами, демократическими решениями и индивидуальными и групповыми правами и их защитой. Третье напряжение

– универсализм. Казалось бы, универсализм столь привлекательный для демократического идеала, демократической модели, и с другой стороны, реальные ограничители, пределы демократии, пределы самого разного типа, и глобальные пределы в плане распространения демократической модели вширь, но и проблемы структурно-функциональные. Демократическая модель не есть универсальная модель всеобщего благосостояния, модель управления и так далее. Есть пределы демократического правления в глобальном и субнациональном уровне. Есть пределы управляемости с помощью демократических инструментов. И вообще очень стыдно говорить об этом, но особенно в свете наших иллюзий относительно демократии как универсальной модели, стыдно говорить, стыдно вспоминать, но демократия, вообще исключение в политической истории, и в истории человечества, в истории идей даже, в истории управленческих практик.

Четвертое напряжение – это, видимо, то, что относится в большей степени к теме этого обсуждения – компетенции как самоограничители и искушение охлократией как универсального требования участия и отрыва куска. Идеи меритократии, которые в эксплицитном виде в демократическом идеале не содержатся, вот ведь в чем дело, и это внутреннее напряжение, она предполагает условия неравенства, столь противное демократической ментальности. Неравенства, как это ни ужасно, не только результатов, но и возможностей.

Несколько заметок телеграфным назывным стилем относительно угроз, вызовов, проблем, которые надо иметь в виду, когда мы говорим о современном состоянии демократии как идеи и как практики. Первое – это прилагательные. Прилагательные к демократиям, которые создают представление, с одной стороны, сокращенных форм, но могут на самом деле скрывать имитацию, имитационные формы демократии. Вторая проблема – последовательность. Стивен [Холмс] упомянул проблему государства и государственности, ресурсов государства, на самом деле это глубочайшая проблема для не только старых, но, прежде всего, для новых демократий, я бы даже сказал не обязательно демократий, для трансформирующихся систем. Что первично в данном случае? То ли модель европейского государственностроительства - стили и так далее, тогда вначале возникает крепкое государство, в шутку замечу, что сила и крепость государства – это очень большой сюжет, который должен обсуждаться. Обращение к насилию и репрессиям – это показатель слабости, а не силы государства, слабости институтов, прежде всего, существует множество исследований, аргументов относительно того, что задача заключается в создании эффективной государственности и государственного ресурса, ... и так далее и только после этого, дабы избежать угрозы хаоса, развала можно приступать к строительству демократических институтов и практик. Собственно, это любимая тема и непопулярной ныне идеи суверенной демократии, и некоторых наших друзей. Об этом – стоп. Или современные порядки, возможности и ресурсы предоставляют шанс для строительства лодки, корабля не в сухих верфях, а в море.

На самом деле сравнительная политология дает очень много примером эмпирических исследований последних десятилетий, которые показывают, что отнюдь не обязательно в определенных ситуациях, в ЦВЕ, в Африке ждать создания эффективных государственных институтов, а потом демократизировать их, типа не доросли еще, а можно изначально строить, пытаться строить демократические управленческие конструкции.

Предпосылки, третий момент. Готово общество для демократии или нет? Это одна из классических тем сравнительной политологии и изучения демократии, которая как бы в последние 20-30 лет отошла на второй план, на самом деле сейчас мы присутствуем при

возможности возврата к этой идее. Существуют ли объективные структурные предпосылки для начала успешного демократического строительства или таковых нет, или демократические институты можно слепить, сконструировать, независимо от того, в каком контексте это происходит. С одной стороны, хочется думать, весь интеллектуальный пафос тянет в направлении возможности волюнтаризма, волевого решения, с другой стороны, все, что мы знаем, показывает, что это исключение, можно говорить о Молдове, Монголии, еще о чем-то, а на самом деле, как говорил Маркс, если кто-то вспомнит эту цитату: груз традиций поколений, который за спиной, тянет и не пускает.

Четвертый момент – эффективность. Почему-то современную демократию снова стали оценивать с точки зрения эффективности, в том числе, экономической. Я бы призадумался над этим: никогда демократия не была образцом экономической эффективности. Демократия не про это вообще. Существуют исследования, разумеется, которые разрабатывают аргументацию в пользу того, что при демократиях экономическое развитие осуществляется более эффективно, более успешно, но тому противоречат многие факты из истории авторитарных режимов 80-х годов, да и сегодняшние модели альтернативной модернизации, альтернативного экономического развития в условиях полуавторитаризма, смягченных форм авторитаризма, в условиях некровавых диктатур показывают, что оценивать демократию с точки зрения экономической эффективности – это, по крайней мере, проблема.

Конечно, проблема экспорта демократии. Хотелось бы думать, что демократию можно пересадить. Институты и практики можно заимствовать, создавать заимствованные институты в пространстве, в котором нет объективных для того условий, и результат заключается просто-напросто в мастерстве административного конструирования, в инженерии такой политической. Но в любом случае, по крайней мере опыт последних десяти лет – Иран, Ирак, Афганистан, показывают, что очень большие проблемы возникают в самой идее экспорта демократии. Экспорта демократии не только силовыми методами, но и не силовыми.

И, конечно, я бы вернулся к вопросу, мне он кажется крайне важным, к вопросу о промежуточных режимах – полудемократии, полуавтократии, гибриды разного типа. Поскольку традиция последних пятнадцати – двадцати лет сравнительных политических исследованиях заключалась в том, что гибриды, промежуточные режимы, это временные фазы определенного движения к иному типу политического устройства. И аргументация заключалась в том, что рано или поздно движение будет либо в том, либо в этом направлении. Мне кажется, пришло время радикальным образом этот тезис переосмыслить и заняться попытками объяснения, почему гибриды и склоняющиеся к мягкому авторитаризму режимы оказываются вовсе не промежуточными полустанками на пути к светлому будущему, а вполне стабильными и устойчивыми режимными формами. Спасибо.

Федор Лукьянов: Спасибо большое, мне кажется, это один из самых главных вопросов по поводу гибридных режимов. У меня в связи с этим сразу возникает мысль, на которую нет теоретического ответа, а упомянутая вами «некровавая автократия» может такой оставаться некровавой, или рано или поздно она сталкивается с ситуацией, когда приходится подавлять? КрисКолдуэлл, пожалуйста.

КрисКолдуэлл: Thank you. I would like to thank the Council of Foreign and Defense Policy and Gorchakov's Fund for having gathered us. It's a pleasure for me to be here today. So let's talk about meritocracy. I think a lot depends on how we define meritocracy. In a sense, all

political systems begin as meritocracies. There was period that what you might call a period of accumulation of authority and that authority is always accumulated through merit. If you look at European noble houses, those were families: to produce Great War of that time - when the most valued merit was leadership in battle.

Over time that initial accumulation of merit turns to (it was different kind of merit) to a credential. You were not because you led an army against the cities you were because your great grandfather did it. And you create a system to preserve and consolidate through law. I think it's a question, whether we talk about meritocracy by merit or law by credential. And I think that more often today and this is why we do discussing this more often today we are talking about law by credential. We are worried that meritocracy – it is a system of privilege, rather than a system of efficient leadership. In making our minds today I apology for my own preference of talking mostly about the Western democracies, but I hope the most of things I say are more universal application. There is a probably any predictable class system and that it's the rivals of the laws that are often its beneficiaries. And for that reason meritocracy creates a lot of tensions, because elites are not simply formulating laws, they are formulating goals. In such reuniting with the pre-democratic, what we might call the more theocratic styles of politics. They determine the ultimate ends of society and not the processes of society.

And for that reason I think a meritocracy is a very dangerous system in the society but it is becoming increasingly diverse. Forming the society is forming a different power systems because there are obviously social groups, ethnic groups, original groups that will be looking at the larger society and asking what they are, sufficiently represented in its leadership classes.

I would like to speak about a couple of specific problems of today's meritocracy. I have already mentioned European noble houses. One of the problems with meritocracy is its almost invincible sense of its own legitimacy which can be resolved in its absolutely staggering attempt of the rulers for the rule. And I think it's interesting to look at the failed reform in Britain in the House of Lords.

I was talking about the problem with meritocracy in the time of flunk. The ruling classes feel that they are ruling because it's almost the divine right in the age of Darwin. They believe that they are the righteous rulers of all. And I want to look at the failed reform of the House of Lords that the Britain began in the 1990s. One of the basic problem with the House of Lords that was so far removed from its original justification of being the source of the noble families by their glory and power, industry or whatever. But it looks very arbitrary. But once the reform was begun it became clear that the arbitrariness was actually strength.

Because no one could really choose you couldn't really add or subtract seriously from the House of Lords, you couldn't manipulate it politically. But once people saw what the new House of Lords look like, it was a bunch of feminists and human rights lawyers and political secretaries, they realize that it had been politicized and it was in many ways a less desirable governing body then the one that had preceded it. There is a basic cultural problem going on here too which is in (I don't know to what degree this is linked to the decline of religion), but there is a worship of intellect in today's world. A high IQ is considered a virtue rather than a blessing. And so we are in the situation where the managerial classes become almost a kind of clerisy. And you can notice ways in which they try to consolidate their advantage in ways that most democrats would consider unfair.

As most of you may remember, you know it was Michael Young, the British sociologist who invented this term – “meritocracy” in 1950s. He wrote satire which was called “The rise of meritocracy”. He intended meritocracy to be an extremely negative word. And we talked about

how people used this slips of paper: their diplomas, their credentials as a weapon of a class. It is very interesting. Right before he died (he died about 10 years ago) the new Labor government introduced ASBOs (anti-social behavior orders) they greatly expended in the last 10 years. These are little tickets that are written to juvenile criminals: that subject them to the new sets of rules. And Young at that time wrote a very interesting essay in which he was argue that this was very natural outcome of a meritocracy. Managers of today's society had their little pieces of paper to lift them up and it was only natural they invent a system of little pieces of paper to keep other people down. I would say that when you look at it the way Michael Young did we have much more we talk about managed democracy in Russia and East. Our system is very different but our democracy is much more managed then we inclined to admit. The most obvious example is probably the system of European Union referendum where yes to further European consolidation means yes forever but it no means no until we can arrange the next election.

The American legalization of gay marriage which is not yet complete but it's another important step last week has preceded in exactly the same way. You have 33 consecutive state referendums in which voters reject it and then we have 3 in which voters accept gay marriage. But those 3 are considered more important than the 33 elections that went before. I would like to raise just one other issue of democratic management and it's really wrong professor Holms mention the way China has managed to desegregate capitalism and democracy. I believe we are actually pretty far along the same road. At least I see evidence that we are moving along the same road. And I think a good piece of evidence might be the reaction of markets last week to announcement that the quantity of easing 3 might be withdrawn by the US Fed this is a decision that has absolutely no concrete effect on the really existing economy it's just a statement of intent by the piece democratic constitutionally speaking, tomorrow, of the US government, and yet it moves world markets.

Professor Melville asked why hybrid regimes are stable or seem to be stable in a DNA. I don't know. That's something I would really love to have an answer too. But there was one question in the program for this conference that I would better like to address before I finish: whether there is something outside of liberal democracy going on right now that might service the model for the future. In a way in something like a sovereign democracy, managed capitalism, in a way that's unknown, but I would have to say right now, I'm inclining to say "no". And that's because I think legitimacy if we can figure the legitimacy as a kind of a quadrilateral, it has two dimensions. It has a dimension in space which is legitimacy, if you can win the approval of a majority of people within your space. And there is vertical dimension which is more like dimension of time: things become legitimate after they have existed for a long time. I would say that you might win a tactic approval for some of this managed democracy things, the way too new, the way too lacking the legitimacy provided by time and I think that you have half of the world and the other half of the world - the West - seems to be throwing out a lot of legitimacy it has earned through time. That's all. Thankyou.

Федор Лукьянов: Спасибо. Вопрос, затронутый про референдум, меня тоже всегда завораживал, потому что действительно в Европейском союзе есть правильный ответ на референдуме и неправильный ответ на референдуме. И если он неправильный, то тогда Дания или Ирландия должны проголосовать еще раз, но не со всеми это работает. Заставить французов проголосовать второй раз невозможно и собственно на этом все и сломалось. ПрофессорАвинери, пожалуйста.

ШломоАвинери: I want to start with reference to something that Sergey Karaganov said about nation building. In 1990s we had a history visit by person - minister at that time in Russia and mayor of Saint-Petersburg at that time. He came to Israel and he wanted to learn a little bit about a system and we told him a lot of things about Israel politic system and about Israel history. And

then he said: “This is not what important, what is important that you succeeded in state building. For the mayor of Saint-Petersburg of that time we found it very-very impressive

- He was not a mayor, he was a deputy mayor.

- Yes, deputy mayor, ok, thank you, (mayor in retrospective). They said something about the ability to understand issues. And we are talking about two issues here. We are talking about the crisis of democracy meaning the West and on the other hand we are also discussing the issues of the failure of transitions to democracy. I think we should realize that democracy is always in crisis. We have sometimes idealized the vision that there were times when democracy was not under pressure, under crisis. Let me just briefly remind us that after 1945 democracy in the United States was very much under pressure it was not only time of McCarthy, it was also the time in which the president of the United States, democratically elected president Truman, made it show that people had to go through all kinds of political evidences to make sure that they are not the communists and they don't even sympathize with communism.

In Germany of course democracy was both from the other side very successfully in order to be able to bring West Germany to a family of nation. But it was West German constitution to make it possible to ban not only the nationalist party but also the communist party. And in France the third republic was under great pressure and eventually it collapsed through military putsch in 1958. It was in 1958 and France was able to create a much more responsible form of presidential democracy. So the idea that democracy in the West today is in a unique crisis seems to idealize a little bit the past but this is really extraordinary during the French revolution and there was a statement that said: “How beautiful was republic under the monarchy”. We have all kind of nostalgic reviews and I think we should put it in context. I don't want to bring a definition of democracy but try to relate two subjects: democracy and meritocracy. It seems to me that one way of looking at democracy - this is not a definition but something that can be called a functional description of democracy - that when we talk about democratic system we talk about a set of norms and institutions which are able an open contested more or less transparent recruiting and circulation of elites. I mean there are a lot of problems and I think it is basically focused in the theory of relationship between norms and institutions. And it seems to be one way of disputing some of the problems which we have discussed until now.

Now all we have to do it is not to compare the situation in Russia to the situation in Western Europe, but to compare Russia to some other post communism societies in West and East Europe. It seems to me that in 1990, never mind Fukuyama, there was an idea that once the communist system which was different of course in Poland from the Soviet Union and in Hungary from Czechoslovakia, but basically they have common in features but when this system disappears the roads to a democracy and macroeconomics is opened.

Twenty years later we see that countries like Poland, Czech Republic, Slovakia, Hungary with problems but still were able to go through these transitions while the problems in Russia I think are much more complicated and it seems to me that a reason to this is two faults. First of all most of the countries in Central and Eastern Europe (and there are nuances of course) were already existing nations, states and had a history of being nation states. This was not the case of the Soviet Union not the case of history of Russian Empire. So here is the issue of a state building and nation building was cultures in countries like Poland or Hungary and Romania or even Serbia there was already institution, normative history sometimes imagined history but it was politically effective. You could say we going back to the Polish Sejm, we are going back to the democracy of Czechoslovakia before 1938. Some of it was idealizes but there were institutional and normative ways of doing it. Very different it was in Russia. And this seems to me to be also effective and the difficulties of civil society in Russia which has been the last few years very

active apparently but not very successful in maintaining the impulses which seem two years ago that it was heavy and perhaps the reason for this has to do with the fact of the basic.

In the case of Russia, on one hand it is a very strong state tradition, very different from other Central and Eastern European countries. But there wasn't a strong state tradition I mean if you look at Poland, it was very weak state and it was one of the reasons for its disappearance in the 18th century. So in Russia you had a very strong state tradition and very weak civil society institutions. So when you have a civil society activity and there was a lot of civil society activity in this country two or three years ago and you created an image that things are changing and changing from civil society, from below. The effect of that was a lot of enthusiasm but not much constitution buildings. And democracy in order to be able to create this change of elites needs mediating institutions, and mediating institutions are not only civil society institutions in abstract but issue of political parties.

Now I know that in Russia and also in other post communism society the term party is considered a pejorative term from unspoken reasons which we don't understand. But there is no democracy without strong parties and other institutions not just NGOs, NGOs is something different, but voluntary associations as a sort of vision of what democracy in the America was. And to answer Sergey Karaganov's question what is to be done (which is not your question, it is historical question of another country), the answer is to find ways in which political mediating institutions and many political parties, and political parties which are not just elect or phenomenon political parties which start from the bottom and are not only focused on one or two major cities, but they are able also to go to the people to go outside of Moscow or Saint-Petersburg and create the kind of participate (not participate of a democracy in West) but the kind of participation in the political process which is not just demonstrations, which is not just the elections, but the daily difficult and boring way of creating a political sphere. And the lack of a political sphere needs mediations is very much coming to the form in what is being happening in the last few years. So how do you create those mediating institutions the answer is by hard work and not very dramatic appearances.

It's very easy - you can see it also in Arab world now, it's a different context but it's similar - it's very easy to get people to demonstrate for a week and feel they avoid especially if you see in TV in front of them. It's very easy to do it for a week. It's much more difficult to sit in boring meetings with people discussing plans, programs, action, and things. But there is no immediate pay off, you are not immediately on TV, you are not immediately elected to a parliament or to a national assembly, to a Duma. But this seems to me to be the most important issue - creating those mediating institutions. It is especially difficult we realize it easier to create mediating institutions in small countries like Czech Republic, Poland or even Hungary country is small; it is very visible it's very easy to get from the provinces to the center. In a huge country like Russia with a tradition of a gap between the country and the city of power it's much more difficult but it seems to me that this is the most important issue, it has not to do with trying to adopt a West missing approving model.

The issue is not a model. The issue to my mind is the willingness of people to have long terms investment in creating a public sphere. And a lack of weakness of public sphere in the mediating institutions is one should look at. And at the end of the day, this is the issue that Ivan mentioned and I was able to read the whole paper, but creating this gives also the power that will be legitimacy. Because you can ask questions today of the powers that be in Russia about legitimacy is a serious question and less there is a two-way street from below, from creating those institutions, creating this mediation and having through this mediation impact on the powers that be because take into account for the own survive unless you are going to continue that gap between the rulers and the rule which is not very bad for the rule but it also bad for the

rulers because once rulers do not feel every day a legitimacy they tend to be more and more autocratic in order to make sure that they control the situation.

Надежда Арбатова: Спасибо. Я хотела бы поблагодарить за организацию этой конференции за очень интересную тему. И в своем комментарии я хочу ответить на два вопроса. На вопрос, который поставил Сергей Александрович Караганов – возможен ли опыт западно-европейских стран для России. И ответить на тот вопрос, который заявлен в названии нашей конференции – совместимы ли демократия и меритократия.

Но прежде всего я хотела бы не согласиться с Сергеем Александровичем в том, что главной ошибкой после распада Советского Союза было то, что мы не уделили внимание формированию нового человека. На мой взгляд, ошибка состояла в том, что не был завершен демонтаж, так называемой, русской системы, даже не коммунистической системы, а русской системы, которая очень скоро приняла свои прежние формы. Многие политологи называют ее выборной монархией. Но суть этой системы состояла в том, что она могла существовать только в виде гиперцентрализованной власти. На мой взгляд, это была главная причина. Потому что наивны ожидания того, что появится новое поколение русских и все изменится, они не оправдались.

Если система не сломана, она будет воспроизводить те же самые силы. И мы видим это очень хорошо: новые коммунисты, новые националисты. Теперь к вопросу о демократии и меритократии. Мне кажется, что мы должны обсудить, что мы понимаем под демократией. Потому что существует демократия по определению Черчилля как тирания большинства. И, на мой взгляд, в арабском мире вот это определение ближе. И существует демократия, которая является моделью, собственно, для всех нас. Это западная либеральная демократия. И когда мы говорим о демократии, мы имеем в виду только это.

Второе. Что такое меритократия. Меритократия, в общем, может быть и позитивным явлением, а может быть и не очень позитивным явлением. Опять же зависит от того, в каком национальном контексте. В каких рамках мы рассматриваем меритократию. Отвечая на вопрос, совместимы ли демократия и меритократия в современных условиях, я хочу сказать, да, они совместимы, если демократия это западная либеральная демократия, а меритократия в таком случае является дополнительным фильтром, дополнительным механизмом против тирании большинства. Но в принципе разбирать демократию и меритократию без национального контекста невозможно.

Я хочу ответить на вопрос Сергея Александровича Караганова: возможен ли опыт западноевропейских стран для России? Нет, невозможен. Потому что то, что имеем мы, это не элита. Это номенклатура. В Западной Европе существовала элита по рождению, по имуществу, по образованию. И там демократия распространялась очень естественным путем – сверху, вовлекая все более широкие слои населения, распространяясь на женщин. Это происходило десятилетия и века. Наша элита она не является элитой. И в обществе, где отсутствуют социальные лифты, где существует коррупция, где, образно говоря, вот эти достоинства можно покупать за деньги, не может быть настоящей меритократией. Что делать и как и куда идти, куда двигаться? На мой взгляд, нам необходимо наполнить те атрибуты демократии, которые у нас сегодня есть, – парламент, суды – реальным содержанием. Я не верю в то, что какая-то демократическая революция может кардинально изменить ситуацию. Только когда население становится гражданским обществом, только постепенная эволюция, создание конкуренции внутри страны может привести к настоящей демократии. Поэтому для нас опыт Западной Европы сегодня не применим. И Западная Европа ушла очень далеко.

Здесь говорили о кризисе партии в Западной Европе. Да, действительно существует кризис партии. У нас тоже кризис партии, но этот кризис совершенно иного рода. Мы еще не создали настоящую партийную систему. Так что если говорить о национальном пути, то неприемлем для нас сегодня этот опыт. Спасибо.

Александр Игнатенко: Спасибо. Мы в настоящее время являемся свидетелями очень интересного и в каком-то смысле опасного эксперимента над демократией. Я имею в виду те события, которые буквально в эти дни, в эти часы происходят в Египте. Сегодня египетские с вообще арабские газеты вышли с сообщениями о том, что в Египте произошла или началась революция 30-го июня. И, честно говоря, я даже на некоторое время подумал о том, что наша сегодняшняя конференция каким-то образом связана с событиями в Египте. Там 30 июня, здесь 1 июля. Что происходит в Египте и вообще на Ближнем Востоке. Сейчас исламисты, которые не имеют никакого отношения к демократии или к демократизации, но заявляют о своей приверженности демократии и, создав в предшествующий период серию исламистских партий, проводят выборы, тоже такая демократическая процедура, в результате которых приходят к власти и используют эту ситуацию для того, чтобы претендовать на поддержку и помощь демократических режимов, в первую очередь, всемирного спонсора демократии – Соединенных Штатов Америки. И при этом используют эту помощь и поддержку для укрепления своих антидемократических режимов, которые, еще раз повторю, к демократии не имеют никакого отношения. При этом они используют те политические козыри, если можно так выразиться, которые у них есть на руках, например, такой козырь, как возможность электоральной мобилизации или возможность мобилизации электорального большинства. Как это, к слову сказать, и было в Египте, где победителем президентских выборов стал член организации «Братья мусульмане», ярый, заядлый и последовательный исламист М. Мурси, который победил с крайне небольшим перевесом.

А в выборах участвовали не все египтяне, а только их определенная не самая большая часть. То есть, чисто формально демократические процедуры были соблюдены, но по существу он не являлся не то что президентом всех египтян, но даже большинства египтян. Подобного рода процессы, я не буду о них говорить из-за недостатка времени, имели место и в секторе Газа, где «Братья мусульмане», которые называются ХАМАС, пришли к власти, и в Тунисе, и в Ливии, и в Афганистане, практически во всех странах Ближнего и Среднего Востока. Хочется особо сказать, что здесь Советский Союз опередил Соединенные Штаты и страны Запада, потому что он имел дело с подобным процессом. Единственное, что люди там говорили не о демократии, а о социализме. Какие-то племенные вожди или, предположим, армейский сержант со своими друзьями могли провозгласить социалистическую ориентацию, сварганить знамя с серпом и молотом или с шестеренкой какой-нибудь и получить помощь и поддержку Советского Союза. И это длинная история, в которой опять-таки участвовали и Афганистан, и Ливия, и Египет, и Ангола, и Сомали и т.д. И, между прочим, Соединенные Штаты, которые в настоящее время готовятся уйти из Афганистана, обращаются к опыту Советского союза.

Мы можем кое-чему американцев поучить, а не только поучиться у американцев и у западников, как к этому приглашал или призывал г-н Караганов в своем вступительном слове. И здесь нужно отметить два очень важных момента. Первый момент заключается в том, что великие державы, как и женщины, любят ушами и не любят глазами. То есть, им недостаточно того, что они видят. Взять конкретный пример того, что происходит в Сирии. В Сирии, где к власти или к захвату Сирии уже готовы исламисты, происходит то, что происходит. Я имею в виду отрезание голов у христиан, вскрытие грудных клеток у пленников и поедание сердец противников, устройство исламского эмирата на севере Сирии, в Алеппо, и т.д.

Или возьмем другую серию событий. Например, то, что происходило в Ливии. Я имею в виду не только и не столько даже явную вещь, как убийство посла Соединенных Штатов, я бы здесь привел другие, менее известные примеры. Например, разрушение кладбища британских военнослужащих, погибших во Второй мировой войне в городе Триполи, которое было осуществлено теми самыми исламистами, которые уверяли американцев и западников, что они очень большие демократы. Это первое обстоятельство. И второе обстоятельство. Соединенные Штаты и страны Запада ищут своего рода философский камень. Я имею в виду поиск их умеренных исламистов. Умеренных исламистов не бывает. То есть исламист не может быть демократом, и демократ не может быть исламистом, если говорить очень коротко. Заклучая, хочу сказать, что этот вопрос, который мы сейчас обсуждаем, сегодня и завтра должен решаться сугубо конкретно и на том историческом материале, который есть. Поддерживать или не поддерживать оппозицию, которая в настоящее время воюет с Сирией. Вот такая задача стоит перед странами Запада и Россией. Спасибо.

Федор Лукьянов: Спасибо. Борис Макаренко, пожалуйста.

Борис Макаренко: Спасибо. Я хотел бы обратить внимание на одну связь между демократией и меритократией, о которой, по-моему, еще не говорилось. Только демократия дала меритократии измерительную линейку, ястык, который становится действительно инклюзивный. Потому что демократия, об этом Стивен Холмс говорил, это конкуренция. Конкуренция принудительная, институционализированная и легитимная. До этого, и в работе у Ивана Крастева очень хорошо показано, если мы говорим, что меритократия – власть достойных. А кто определяет, кто достоин? До демократии был очень узкий набор таких линеек. Либо это древность рода – аристократия. Либо это власть денег или собственность. Либо это военная сила. Все это оставляло за пределами конкуренции за право быть достойным большую часть общества. Когда общество стало современным, этот принцип уже не годился. Демократия внесла в меритократию инклюзивность, она сделала ее всеобщей. После этого началась масса проблем, которые в Англии тоже очень хорошо описал. На самом деле вот эта инклюзивность имеет огромную цену, огромные издержки. Но без этого меритократии вообще бы не было. И вряд ли бы этот термин «меритократия» появился так, как он появился в середине прошлого века.

Если бы я читал лекцию про концепцию полиархии Р. Даля в детском саду, я бы ее свел к двум вещам. Нет, ребята, не народ правит, не люди, а правит элита. Но, во-первых, она правит конкурентно, а дальше, адресуясь опять к Стивену Холмсу, они боятся своих соперников, значит, они должны стремиться к меритократии внутри себя, иначе проиграют. И должны быть ответственными.

Второй принцип Роберта Даля – это то, что те, кто правят, не могут быть полностью свободными от того, что народ о них подумает. И это тоже во многих случаях очень помогает.

Именно отсюда я перейду к ответу на вопрос Сергея Караганова, который, к сожалению, не услышит. Что сделал Советский Союз? Уникальную вещь. Он создал общество почти похожее на современное западное – индустриализованное, городское, образованное, приемлемое для этого периода, но без двух вещей. Без институционализированной конкуренции в экономике и тем более без конкуренции в политике. Конкуренция, как и в любом нормальном человеческом обществе, она загонялась под ковер, из-под которого, по выражению Черчилля, периодически выбрасывали дохлых бульдогов. Советский Союз создал шампанское без пузырьков. Замечательный, прекрасный винный материал. Только

бутылку открыть невозможно. Не было движущей силы. Поэтому и меритократия в Советском Союзе оказалась на крайне низком уровне. Поэтому, возвращаясь к проблеме, которую Сергей [Караганов] назвал главной, что мы не создали нового русского человека. Нового русского человека нельзя создать без рынка, плюс без конкуренции в экономике. А поскольку, как и старый русский человек, новый русский человек тот тоже достаточно образован, живет в городе, некоторые из этих русских людей летают в космос, управляют атомными реакторами, то, значит, это люди достаточно умные и сложные. Для них нужна и конкуренция в политике. Так что у нас меритократии без демократии точно не получится. Спасибо.

Сессия 2. «Глобальная повестка дня против национального интереса: возможна ли гармония?»

Участники:

Иван Крастев – модератор сессии, политический аналитик, эксперт в области международных отношений, исследователь посткоммунистической ситуации в России и странах Восточной Европы;

Марк Леонард – политолог, специалист в области международных отношений и геополитики, основатель и директор Европейского совета по международным отношениям;

Райнер Мюнц – глава управления по исследованиям и развитию в ErsteGroupBankAG, ведущий научный сотрудник Гамбургского института международной экономики;

Андрей Зубов – профессор МГИМО, член Синодальной библейско-богословской комиссии и Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви;

Сергей Павленко – руководитель Росфиннадзора в 2004 – 2012 гг.;

Леонид Григорьев – заведующий кафедрой мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ;

Сергей Караганов – почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ;

Федор Лукьянов – председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике».

Ivan Krastev: Thank you very much. It was extremely interesting. So what we are going to do is the following: we will try to see how this also is going to reflect on some of the issues that we have been discussing on the level of international order. Allow me, before going to our three speakers, to make three brief remarks on content.

Let's start with a Swiss joke, because you probably don't know many Swiss jokes. There were three small boys. The German boy, a French boy and a Swiss boy and they were discussing where the babies come from. The German boy said: "Of course they are coming from the sky and they are leaving the baby in front of the door and our parents come and take them". Basically the French boy became extremely angry, he said: "This is not true. Everybody knows that they

come from the bedroom where mother and father do such things”. But then the Swiss boy exploded, he said: “Do not generalize; it differs from Canton to Canton”. The Swiss boy had the point.

When the crisis in 2008 started there was one major question that had been asked: “Who is going to collapse?” Is it going to be some of the new democracies that had been after 1998 or is it going to be some of the new authoritarian regimes, basically Russia and China? What we now see several years later that it’s not so much who collapsed but who has made a transformation of the nature both. And my first argument is that what startles me, especially comparing Russia, not so much Russia, but China and the European Union is that they have emergence of two different forms, there is no alternative policy. In the European Union it is not about government, it’s about politics, and it’s very much about economic policy. So in order to mention the dependence we are basically trying to constitutionalize some of the major economic decisions.

So basically the political crush is very much about discrediting policy alternatives. We are changing governments; we are not very much changing the economic rate. In the case of places like Russia and China this is very much not about policy, the governments are much easy to change policy; it’s about people in power. And wrong politics is about discrediting everybody who has any claim of their able to go in power. Why is it an interesting story? Because there was a lot of talks about competition. But competition suits alternatives. I mean meaningful alternatives. Steven Holms once said that I find very important, he said: “Democracy doesn’t make sense if the stakes are too high or too low”. If the stakes are too high it means: who is going to survive physically – better be armed – “bullets are better than ballots”. But if they are too low, if you really not making and facing control that makes a difference, then democracy is not functioning in a way of its normal functioning. And I do believe this level of “bezalternativnosti” being very different in the case of Russia and European Union, but this is a problem. And here is my second problem, because I very much believe that democracy is always in crisis. If you go in the literature there was not a single period that people which live there do not claim that democracy was in crisis. In a certain way living in democracy is practicing yard of bearable dissatisfaction. Certain periods in which we believe it was ‘golden time’ – for example 1970s – the ‘golden time’ for us, because we were not there. But in 1970s there was a talk about competitive decadence and basically people who remember post 1969 type of politics, it was in crisis. Does it mean that we should banalize any type of a probable democracy spaces? And here is my kind of serious point. And might the democracy is in a deep existential crisis when it is also in quite important capacity - the capacity of self-correction. Because democracy never was about people making right choices, but it has an institutional, intellectual and other type of advantages that was allowing people to self-correct their choices which I don’t believe is the case of even successful authoritarian regimes - they don’t have this mechanism. And might be the problem of alternatives in competition of ultimate alternatives is making this crisis much more real, so this is why I’m taking the problem of the crisis of democracy not simply as a usual talk, but on a new level. There is something more serious that we should talk about.

And then in order to bridge it to the next panel what it means for the foreign policy staff I’m going to make just one simple point which is probably wrong but I have noticed that the wrong ideas are better for the discussion. First of all it is our elites that means of our losing control in foreign policy. If you see how foreign policy decisions are taken, 60% of them are very much about domestic politics, nevertheless that you in democratic country. Why? Because I don’t believe that the major characteristics of the international order is the internal instability of all players. Difference was the instability but China. Probably China is going but China doesn’t feel itself stable in a certain way the level of nervousness.. Mark has just come from China and we had been talking: the level of nervousness is much higher than ever before. In the United States there is a very strong position business also kind of a sense of internal instability. European

Union and Russia being by the way both of them very new projects, post imperial Russia and post European Union also being very kind of feeling very much instable. As a result we could see some very strange developments.

Before classical nation states or empires they have been mobilizing the internal resources in order to make them impact outside their borders. Now foreign policies about mobilizing global resources in order to stabilize the situation at home. This is a new game. And I do believe from this point of view we have really a very strong connection between domestic and international policy, but disconnection is not as simple to be defined simply by the national regime. And the last problem about elites, one of the interesting things is about how do elites contract the changes. I'm going to say something about Russia, about its probability. But when you see Russia from outside everything is about there worse. For the last one year basically the Russian power is divorcing. Why? Divorce in lives, divorcing parts of the elites, divorce in certain basic social groups. And what is most interesting is that I do believe that what is called meritocratic elites was not the most confident but people who believe that because of the nature of their legitimacy they could be selective loyal. I hope they are not going to offend anybody but for me one of the definitions of liberal in Russia: their differences were not always in men with a liberal views but somebody who was with a limited loyalty. Basically it was the selective loyalty to the regime, basically they are saying this, we are going to support them, but if they are saying bullshit we are not going to support them. Now I do believe that there is a move to a total loyalty situation. If you basically want to be a part of the establishment you should support the whole package. This type of a basically room for maneuver it was there, it was possible before it's been disappearing and I do believe this is very important change and this is why the problem of the meritocratic elites has a certain relevance.

But this was a long introduction before Mark Leonard.

Mark Leonard: Thank you very much Ivan. You have stolen some of my fundable ideas; I wanted to say two things to soften globalization paradox that you set out in your article, the idea that there are three options to manage a tension between national democracy and a global market. And you say that instead of choosing either to limit globalization in order to bring democracy at home or to globalize democracy across the national sovereignty or to restrict democracy in order to gain competitiveness. The governments are refusing to choose and try double three. But I don't think that's entirely fair I think there were two models which look quite successful where countries choose what they would do. One of them is a Chinese model and the other is European model. And I think that they are both in crisis. So the fascinate to talk about the failures of those two attempts. And then secondly at first time to talk of how the international system is changing. Because I agree very strongly with either the international system is completely being transformed as a result of changes in domestic policy, particularly in big countries, may be in US and in China.

So I'll start with these two solutions, because I just came back from Beijing yesterday I may be start with the Chinese attempt at beaming with the paradox. I suppose the core idea, which political scientists in Guangdong at the university called the idea of accountability without elections as a way of trying to reconcile with different elements. And if you look at China's politics you can see there is a very interesting package of measures which are been developed over a number of years: strict limits on the amount of the number of terms, that leaders can spend, age limits or sorts of measures which cascade down through the party to try adjudge promotions on the basis of performance.

They have started introducing a sort of different elements of deliberation into the system within cities institutes, different kinds of parties' politics and other measures to try to get public opinion

of consumers taken into account. This is led to a number of successful regime changes; it's quite interesting how every transition of leaders has moved in the last Jinping's center power has been incredibly swift. He has managed to get control of the system much faster than Hu Jintao or Jiang Zemin or even Xi Jinping struggle for a long time between conservatives and reformer forces of Politburo. And there was last anxiety about him than the early ones. And a space of fidelity is the use of a control internet as a tool of governing. Lots of people in the West predicted that the internet would spell the end of one-party movement in China.

But it was interesting actually so far the Internet is I think enormously strengthen the one-party system within China because of the government of the Internet (Mike Luncie use the Chinese blog where he talks about the Chinese government) approaches being blocking and cloning social media sites, the idea is they stop Facebook, Twitter, Google and other Western companies from operating in China. But instead they allow the development of almost identical Chinese platforms on the one condition: that the service should be located in Beijing, which allows a degree of control to the central authorities. And that has the four effects which I think are straighten the system. Firstly access to read good, qualitative information, which allow the government orient discontent and to respond to it, every official in China starts the day with the summary of information about what's going on in social media. There are 500 million Chinese mechanism, about 3 millions of them are actively involved in social sites in a way and which is much more than Twitter, it become a real pattern sphere the Chinese language when can say a lot of -140 characters, much more than in UK it's like a mini 'at' compare to 140 characters there and 140 words service information.

Secondly there is the fact that you have safety valves, the people who really fail that their views are heard and this operates in a kind of strange way. The way censorship works is very consumer focused equal to friends are watched in Baidu which is the equal of Google. They spend a lot of time, cause censorship is being internal life of big companies, over the big media in China guaranties censorship, there is not a "big brother" from outside, and they have the answer themselves. The way that they do is quite important, because people are quite happy if their views are in safety or if it's just for a few minutes, they have a completely consumer experiments if the things are off in 5 minutes taken down and if you block from many tools, so the way the censorship happens is done in safety valve.

Thirdly there is a strange strengthening of a central government against the local governments which in a way protects the legitimacy of a system. In China there has been a myth of the corrupt local official and a kind benign Emperor in Beijing and in the internal allowed to do that, because it's the central authorities in Beijing they have the ability to take things down to a kind of control locals. Local officials have no ability to do that, so the only way they can respond is the by recruiting army blockers, they can't take things down themselves. And that list of a four things which is a kind of selective use of openness and censorship. And Mike Luncie makes a very interesting comparison between the dynamics of the Internet and a cultural evolution where he says that if you look of what happen for a example with Bu Xilai, he got into trouble. There was a surprising lack of censorship because he had lot of enemies and so people were in courage to equal attack. And he says it's a big way when you could by gods going and taking people down, he saw same things with a railway minister he allows the channel discontent. And this is last of four features to control the Internet. These four things are kind of sovereign globalization and the differences between Beijing consensus and Washington consensus. Basing thing is this model is going facing a profound crisis. The trigger I suppose is the collapse of sovereign globalization cause they have remained sovereign but unfortunately American demand is full of the way it isn't going to come back, but that means the load in two phase to celebrate the depth of the Washington consensus. The big problem for Beijing consensus is even more problematic because this enormous injection of capital which came in to compensate for the falling of a

western demand has created, illuminating the crisis which has many of the features of the supply crisis in the US. And the government is absolutely terrified of this is going to blow up in their faces and effort to return the people the balance of economy for a long time this is taken on an urgency and seriousness which they do not have before so that the reason moves by the People's Bank of China when they restricted, when they trying to stop this blowing up and having a hot landing.

That's led to a sense that even you know you can remain sovereign anyway as you can't do with a weakness of the international system with a weakness of others. And it's a real fear of fact which is leading to a kind of move away from globalization and attempt to trying to stimulate the domestic market that we were talking about a lot before.

Second crisis is a sense of the bureaucratization of the system. All of these measures which they do to adjust to assure accountability of let to the impossibility of leadership there is enormous frustration with a mediocrity of political leadership in the believes of a China with a sense that even if you have people of the same talent of vision as Deng Xiaoping you won't do anything because they saw constraint of the system. Which partly leads to a third crisis which rises the investor interest, you have a much more complex economy enough difficult to do anything and you have so many independent centers of wealth and power which make it difficult to govern.

And that could relate a bit to the fourth problem which I think is a really shock the system, you know it's funny that as the rhetoric about meritocracy turn to which this absolutely access that was a moment when the real was some kind of aristocracy, because what happened with the 18th Politic congress in the latest appointment in spring it was essentially the complete triumph of the DNA - of all of the Red Princes who were involved in the original revolution in 1949 before act 7 of the central committee of Politburo, all the descendants of key revolution figures. It's striking not just the very top, if you watch the way through the system how much moved DNA seems to advance people's career prospects than obvious policy effectiveness.

The last Chinese crisis as Ivan said there is a real sense both for the last 10 years in China have been wasted yet people use this phrase "the wasted decade". And this is just quite weird for some countries of Europe. They have double digital growth of wealth from nothing they turned their countries to the second biggest economy in the world as it seen in the global superpower, so if that's a "wasted decade", I'd love to see what a useful diploid one is. But that is really a sense of what people happen, they are living of a capital from previous reforms they are not prepare for themselves the future and they face the major crisis if they do that. And even clamping down on a lot of a kind of publicly expressed angers in 2011-2012 is a probable fear of a future. Second one which our talk is about is the European model which I suppose you could call elections without accountability, almost the opposite of the Chinese model and I think that the European model is quite an impressive way of what to do with its paradox. On the one hand Alan Milan has written a classy book about the European rescue of the nation states. And I think that is what European project was about until 2008. It was largely about rescuing and empowering nation states in the air of globalization. A Monet method of translating political decisions into economic ones and quiet politics into kind of low politics was incredibly successful way of getting things down, it empowered executives led the creation of a single market, a single currency in large in European Union massive economic forms in different countries and what they managed to do was to provide an evasion of accountability for difficult decisions for the national political elites.

Unfortunately that is now facing an even bigger crisis than a Chinese crisis, firstly they put Monet on its head in a way economic problems and term of political ones, technical measures have been turned into low politics has been turned into high politics and there is a kind of major crisis of legitimacy in different places. And there is a real sense that politics is been hollow in

and out and now have a competition between elites which seeing a technocratic scare of the things and behaving like unified cartel across the European union and populist forces outside are threaten to blow up the system and I think could at any point. Anyway I'm sorry, the biggest problem as in China, the system is not working the results are deliberate. And this is led to a real worry about how the system does a fascinating power as a few months ago where they asked people in different countries whether they still have faith in a national political system. And it showed two Europes. If you go to a Luxemburg, Finland, Germany and Austria - countries, which are creditor countries, people still believe in a national democracy, 84% in Luxemburg, in Finland 78% are satisfied, 21% - not, in Germany 70% are satisfied, 79% in Austria. And if you go to a debit country: in Spain - 32% are satisfied, 66% - dissatisfied, in Italy - 27% are satisfied, 72% dissatisfied, in Portugal 25% satisfied, 74% dissatisfied, in Greece only 11% of people believe in their national democracy compare to an 89% who feel they are fundamentally bankrupt.

I think that if you take these things together you can see there are two kind of profound attempts to do with that paradox seem to hit the baffles in a way and I think that's also leading many countries to also rethink of how the international system can be engineered so that it becomes less detrimental to the national political systems which are facing a profound crisis. And as China rebalances its economy as the US rebalances its economy and as Europe rethinks it's attitude to what is independent. I feel what we are going to see is a very-very different global system imagining which is no longer based on the idea of one world. There is more about thinking in a way how similar countries can exit from this universal systems and create more comfortable communities which allow them to be more sovereign and more control of their affairs.

Reiner Muentz: It was a good Russian joke; let me give you one Bulgarian instead. Do you know what is a definition of being optimist and pessimist in Bulgaria? Basically the pessimist is a person who believes that it could not be worse. While the optimist is one who believes it could. Probably this is universal but with Bulgarian characteristics. I grow up in Switzerland so I could tell you many Swiss jokes but I'll spare you.

I want to come back to this notion of global, what does it mean to sovereignty, to democracy, to global integration. I think it's important to understand with may be very few exceptions: all parts of the world have somehow become part of a global structure over the last thirty or forty years. And I think there are three issues here, three or four reasons. One clearly is technology. When we use our cell phones, I just had to switch your's off because it was transmitting your messages twice. If you take this cell phone with the exception of the Antarctica or a few places in Gobi or the Sahara, you can use it everywhere, so this is a kind of interconnection and at first it looks technological but as we have seen with recent political events it has a powerful implications from mobilizing people beyond what power structures thought they could control. So it creates a kind of a politic situation where you can have movements without clear structure and leaders, because it's technology are driven by a party or an organization or NCO or something like that. So technologies somehow globalize a lowest of the states.

The second reason is economic exchange. So we are talking about trade, about foreign bank investment, we are talking also about tourism which is one way of exporting services. This is something that has very much to do with the fall of the Iron Curtain, I can not say "communism" because China stays in communism but there were not a fall of Iron Curtain, it has led to the integration of one to two billion workers and more then two billion consumers to the world market. But it's also one more thing mention tearing down India and bringing India into the global economy as well.

This had a tremendously moderating effect on wages and on economic inflation. Let's not forget, we come from inflation situation in the Western world of 5, 10, 15 at times, sometimes 20% and more, even higher rates in Israel. And with the integration of these workers into the global economy we have seen wages restrained in a Western world because some of the people had to compete with workers in Bangladesh, while producing T-shirts. And it has brought down inflation. You couldn't have the European Central Bank would have been unable to give 2% inflation target without this integration that we have seen it's very clear that we have seen a great moderation that follow the fall of the Iron Curtain.

There is a third element to it and it's partly linked that international migration. The international migration might seem tiny because it's only 250 million people of the 7 billion people who live not inside the country of origin but when you take internal migration which is very important in Russia and China and a few other places. And it's another 750 million so we are around about one billion people who are not living around their place of birth no longer. And when you think that each of them is sustaining at least one or two other persons left behind we are already at 3 billion people in planet. It has a huge effect and speaking about poverty reduction. A single most efficient way of reducing poverty is mobility of labor. You bring a person from place A to place B, it increases the wage or the economic gain and usually these people also manage to send money back. So this couldn't work without same globalization.

Fourth element here is very important to see that there are global trends and the most obvious one is a global warming, global climate change, you can see you can't escape. Countries like Bangladesh and even smaller ones like Maldives or tiny pacific states like Tuvalu, the list of responsible for global warming when you look at GDP for capital emissions or whatever. But such countries cannot be the most effective. Tuvalu or the Maldives might not exist anymore in 25 or 30 years from now. Perhaps point of a sea level in Tuvalu is 3 meters so just think of a large tsunami or whatever storm would just wipe the island when the sea level would just rise a little. The melting of the ice of Greenland would at 7 meters to the global sea level. So it's just to give you a sense there is something you cannot hide in the rock of mountains, there might be different challenges. So we are exposed as nations or also as individuals to global trends and which clearly shows the limits to national sovereign.

So there might be pockets of marginalize areas but this is not a sign of autonomy usually of extreme poverty. This was my first point.

The second point is now how about national interest? I think there are two options and not every nation has it. One way of defining your national interest is you have to become a global actor. You try to define rules, you try to define the world order, you try to define relations with other states and this is a way of protecting yourself, you are not rejecting power outside, but you are organizing resources to bring them back on. It's clearly a strategy of the United States, of Russia. China has moved into this box after having been absent as a global actor may be forever but at least the last 200 years. This is not a path that is possible for all nations. Britain and France already see the limits to this to their big sorrow because they have been global actors in the past; some countries have disappeared as global actors.

The second possibility you are having is to become a part of a global order or of a global alliance which is not the same. Global order could be more universal, global alliance can be very selective like a coalition of choice in Afghanistan. So for the small and midsize countries the only way here is to become a part of a global order. This is why midsize and small nations are more sympathetic to universal solutions where the true global actors are more sympathetic to coalitions, and selective solutions.

So when you are a part of a small actor of this tension between legitimacy at home and compliance of global rules. There are many instances you would have to comply may be your transition at home doesn't like and you have to negotiate. So this leads to the problem of asymmetric applications of these international rules that are negotiated on the making. I speak of the example when the US is fighting for a universal application of the international court of justice in Hague the and is pushing other countries into comply. The United States would never allow that one of it's own citizens would be taken to the international court of justice when fighting in a certain place they may be sure in a treaty with that country that none of the soldiers would never be neither prosecuted locally nor be a single case when Afghan court has judged about prosecute commit by emergence. They make sure that their soldiers can not be sent to Hague. They have that kind of asymmetry.

Budget deficit ceilings are a good example. So in a few years all countries in a European Union should comply with the order that has been negotiated budget wires but when it's smaller countries they get a blue letter from Brussels, when it's a larger country you have that difficulty that they have changed the rules. France is not an example.

What in rights is a good example? Many countries think it's good when their all citizens are living abroad, they have a right to at home, the US organizes this very efficiently. The same countries are not very happy or even try to make sure that this is not happening that other countries are organizing a letter campaigns within their territory. Rights of minorities is a very good example where you can see this double standards. And there are limits to globalizing such standards.

When Mr. Erdogan is thinking about Turkish people living in Germany, having to adopt to German rules he speaks of genocide and assimilation of curds in Germany is genocide. Assimilation of curds in Turkey for a long period of time has not been genocide and genocide of Armenians is nothing but a small accident. So the application of how you think the genocide should apply or something like that is very selectively and these are double standards to the same extend.

Germany for a long has been supporting ethnic German minority also in Russia, in Kazakhstan and also in Rumania. So not having Germans living in Kazakhstan assimilated into Rumania is good, not having Turks living in Germany assimilated is bad. You have these double standards. But this is only a matter of generation. There are many examples.

Third point here and I will finish on that is a corporate world. We have seen after 1945 particularly a tendency to deteriorate activities by large corporations in more than one country. So it was an attempt to decouple economic activities from nation states and from the turf on which these companies were operating by being able to shift operations or may be only tax erasing or tax avoiding activities between constituencies. And this had clearly weakened the sovereignty of states because we have large property.

I'm representing a bank. The total assets is 200 billion euros which is 250 billion US dollars, this is almost mini countries which have smaller GDP than the assets of a bank. If one would rank corporations among states he would see some of these corporations are larger than 8% of country. There are much larger corporations than mine: Deutsche bank or City bank. So what we have seen since the crisis is the state coming back. It is an interesting thing to analyze how the power game between large corporations not only financial corporations but in particular ones and states has shifted. We see a renationalization, I mean states nationalizing their banks but also General Motors and others that seem to be unthinkable particular under Washington consensus it was a paradigm. The same people say we'd never do it, did it. Bur we have also seen

renationalization or of capital market. It became much more difficult to shift money from one constituency to another.

European banking regulators also speaking about European supervision recreate national asset situations very clear that this is no longer have an integrated into European financial market.

My bank generates more savings in the Czech republic than in the country where it belongs and we cannot shift this to Rumania where this opposite Czech. It's another aspect of renationalization; it's not the state taking over as owner, as regulator in that sense. By the same talking becoming something that has become more important the ultimate guarantor of corporations. And some states are seen as weak because they are multinational companies located at home and are much larger than state budget in the GDP and then you can see how Austria can guarantee large banks that twice or three times the GDP of Austrian assets liabilities.

The same can be said about car companies. But in the case of financial sector it is more particular. 7 years ago nobody thought of the state becoming the ultimate guarantor of a multinational corporation, this is new.

The last point here is taxation. What we see is companies at states not trying to increase the tax rate but also to increase its tax payers by pushing corporations and also reach individuals back into constituencies where they can exist. It's very clear but this is not all these leaks that we have said about a national security agency, what about Shell? Companies without visible ownership is something that clearly western secret services to increase the leverage. And a fact that no company of many another constituencies have been reviewed also in small hint where the information might come from. It's not very clear where this leads to because we clearly see a tendency of the unrevealing of certain aspects of economic globalization. A Sign calls British jobs for British workers; it just gives you a glance of what is happening here. And the question is: have we seen the high point of globalization. We cannot scale back the global warming easily but you can scale back global capital markets as we have seen you can scale back international migration so I would just leave it on the table. The states might not become more sovereign but we have seen less globalization in certain aspects of our economy and policy making since the class. Thankyou.

Андрей Зубов: Дорогие друзья, я хотел бы отреагировать именно на выступление предшествующей сессии, а не внести свою идею в меритократию и демократию. По поводу выступления Сергея Александровича Караганова – меня несколько покорило слова, что «мы не обратили внимания на то, что главным должно было бы быть развитие человека». Кто – мы? Мы – это часть того общества, которое действительно должно было развиваться. Мы не стоим вне этого общества, мы идем вместе с ним, мы не элита, мы не люди извне, поэтому мы сами развивались. И когда тот же Солженицын в своей статье «Как нам обустроить Россию» сказал, что мы можем быть завалены бетонными глыбами разрушающегося коммунистического здания, он говорил, что думали тогда многие, что коммунизм – это нечто внешнее относительно нас. Но мы открыли за эти 25 лет, что, к сожалению, это внутреннее, и в нас. И на самом деле мы все в той или иной степени завалены глыбами внутренних обманок, в которых мы выросли. Поэтому выдавливание раба по капле – это не задача одних над другими, а это задача всех нас вместе, вот это я хотел бы подчеркнуть. Это вообще главнейшая политическая задача России, но она не есть направление какими-то гениальными людьми, свободными от этого, остальных в нужном направлении, мы все идем почти ошупью, есть некоторые направления, о них я скажу чуть позже, но мы идем все вместе. Это первый, очень важный принцип.

Во-вторых, мне кажется, когда Сергей Александрович говорил о том, что нынешнее качество людей ниже того, которое было в момент разрушения внешней коммунистической системы, этого бетонного здания 25 лет назад, на мой взгляд, он ошибается. Дело в том, что то поколение людей, которое выросло после разрушения коммунистической системы, та возрастная группа, которая между 18 и 30 годами, по многим показателям, - речь идет о формальных социологических опросах, - значительно лучше групп, лучше в отношении к демократии, к личной ответственности, чем старшие возрастные группы. К сожалению, был приглашен, но не пришел Лев Дмитриевич Гудков, я на днях с ним советовался по поводу опроса, огромного опроса, который был осенью 2012 года проведен социологической службой «Среда». Опрашивалось почти 60 тыс. человек – 59600, по всей России, он сказал, что можно доверять этому опросу, это хороший опрос, а я доверяю Гудкову в этом плане. По этому опросу среди молодежи, - вы сейчас засмеетесь, многие скажут, что это ужасно, на самом деле совсем не ужасно, - среди молодежи 18-30 лет 35 процентов хотят уехать из России. Всего среди людей, которые живут в России, таких 9 процентов. Плохо это? Не плохо. Не потому, что отлично, если уедут, а потому, что, конечно, большинство никуда не уедет. Но желание уехать из России – это желание изменить жизнь, принципиально изменить жизнь. И большинство из них будут эту жизнь принципиально менять в России. То же самое можно сказать, например, о желании создать собственное дело. Среди населения России в целом своим бизнесом хотят заниматься 8 процентов. Среди молодежи – 29 процентов. Хотя иметь много детей в этой группе 35 процентов, в группах в России в целом намного меньше, порядка 8 процентов. Не буду приводить другие цифры, это новое поколение, оно, собственно, и вышло на Болотную площадь. Но это только его политическое измерение. Сейчас, например, в последнем номере журнала «Полития» опубликована очень хорошая, скромная статья о поведенческих мотивациях среди новых жителей пригородов Иркутска, богатых и среднебогатых людей, которые выехали из города в пригород. Система властной вертикали, которую строил Путин, которая была до этого, сейчас модифицируется по факту в систему треугольника, где местная власть зависит уже от людей, переехавших туда и финансово, и энергично больше, чем от власти района.

Самоуправление формируется adhoc. Это не только в Иркутске, это по всей России, в областных городах происходит то же самое, так что мне кажется, что демократия, здесь совершенно верно несколько раз говорилось о том, что в России нет умелости, приспособленности к демократии, - сейчас нет, конечно, после 70 лет большевизма, до этого было городское местное самоуправления полвека и все было более-менее ничего. Но сейчас новым поколением формируется новая система ценностей, на нее надо обратить пристальнейшее внимание, и ни в коем случае не говорить о том, что оно хуже того, что было – лучше, намного лучше. Я это знаю как профессор, работая со студентами.

Очень верная мысль о том, что без закона провисает и рушится собственность, права на собственность, без уважения к закону, законы можно написать любые, но без уважения к закону рушится собственность. Но откуда уважение к закону? Вы можете научить уважению к закону? Да никогда вы не научите этому. Вы можете голову, шею сломать, но не научится уважению к закону тот, кто не уважает две вещи: законодателя и закон, который он дал по контенту. Главное – законодатель.

Как строится традиционное законодательство? Конечно, апелляция к божественному праву. Как строится современное западное законодательство? Через уважение к легитимным законодательным органам. У нас нет ни первого, ни второго. Поэтому уважение к закону нет и быть не может. Здесь великолепно говорили о том, что опыт Восточной Европы нам близок, но как в Восточной Европе привили уважение к закону, а оно есть там. Может быть, не во всех странах. Я не исключаю, что в Балканских странах –

в Румынии, Болгарии хуже по ряду причин, но, в общем, привили уважение к закону. Почему? Не потому, что он был в советское время, в коммунистическое время таким, а потому что совершили восстановление государственности, разрушенной при коммунизме. И восстановление государственности, в первую очередь, значит правопреемство, восстановление правопорядка. Это хоть как-то позволяет легитимизировать закон, при этом и демократия, естественно, в этих странах функционирует. У нас нет ни того, ни другого, нет правопреемства за коммунистическим прошлым, поэтому о каком доверии к закону может идти речь? Сидит незаконная Дума, производит один закон за другим. Кто будет эти законы уважать? Никто не будет. Их будут или обходить, или игнорировать. Совершенно верная мысль о том, что проблема незнания истории, но эту проблему мы, историки, как-то исправляем.

Мне очень не понравились слова Сергея Александровича Караганова о том, что Россия обречена на величие. Россия, слава тебе, господи, ни на что не обречена. И на величие тоже не обречена. Я был бы очень рад, если бы Россия не была бы великой страной. Если бы она, по крайней мере, себя бы не считала великой страной. Пусть другие ее считают великой – очень хорошо, но только не она сама, потому что когда говорят, что мы обречены на величие, это все равно, что когда в семье говорят: наш Мишенька – будущий гений, и глядят его по головке. Мишенька вырастает стопроцентным негодяем после этого. Россия не обречена на величие, Россия обречена на то, чтобы быть тем, чего достоин ее народ и как он осознает себя. Если он себя осознает ответственным субъектом политического процесса, он построит общества, а уж там бог весть, великое или не великое. А, скажем, величие сталинского времени мне не нужно. Мне бы не хотелось ради этого величия лечь в расстрельный ров, понимаете? Так что я думаю, что мы, слава богу, ни на что не обречены.

Кстати, здесь я хотел привести пример этого яда величия, который вводится тоталитарной системой всегда в сознание любого общества. Ведь Гитлер то же самое говорил на счет Германии. А разве современный Китай во многом не держится этим же ядом – обреченности на величие? Ведь если вы поговорите с любым шофером такси в Пекине, он вам скажет: да, коммунистическая элита – это негодяи, мерзавцы и воры, но если мы их сдвинем, Китай развалится. Ему задают вопрос: как вы думаете, что район Янцзы отделится от Хуанхэ? Нет, конечно, они не отделятся друг от друга, но отпадет Тибет и Синьцзян. Идея империи держит во многом китайцев в лапах этих коммунистических олигархов. И не дай нам бог идти этим путем.

Здесь я хотел бы поспорить и с профессором Игнатенко, и с Сергеем Александровичем Карагановым на счет арабского мира. Я думаю, что арабский мир не чужд демократии. Мусульманское сознание не чуждо демократии. Я это могу сказать с полной определенностью как востоковед, я посвятил этому докторскую диссертацию, которую защитил почти тридцать лет назад – «Парламентская демократия и политическая традиция Востока». Я уверен, что два главных параметра демократии, которые совершенно верно сформулировал С.А. Караганов, это уважение к закону и гражданское общество, есть в мусульманском мире. Гражданское общество – это умма, а закон – это шариат. И не надо этого бояться. Это будет просто другая демократия, это будет демократия не такого типа.

Наконец, самое последнее, дорогие друзья: отрубание голов было до сих пор в США, электрический стул есть, введение яда, так что не волнуйтесь, кому и голову отрубят. Иногда бывает неплохо. Что касается профессора Андрея Юрьевича Мельвиля, при всем уважении к его позиции, она действительно во многом очень мудрая и правильная, одна глубочайшая принципиальная ошибка, которую здесь повторяют, за этим столом, и вообще в нашем обществе многие в силу того, что они просто не специалисты. Эта

ошибка в том, что демократия – это случайность, исключение. Я глубоко уверен, что это не так. Я посвятил несколько выступлений на Московской школе политических исследований, где объяснял, что как раз демократия – это самая естественная и самая древняя форма организации общества. Ее мы найдем в самых разных сферах, мы ее найдем в доисторических обществах, мы найдем ее в индоарийском обществе эпохи вед, в отличие от обществ древнего Переднего Востока, где была действительно ориентация на монархию. Мы ее найдем в Средневековье, в ганзейских городах, в Новгороде, Пскове и так далее. То есть, демократия, конечно, меняется, это не парламентская демократия локотского, и тем более, послелокотского типа. Но это демократия. Мы найдем ее в греческих полисах, так что демократия – это естественная форма, когда люди сами определяют, как им жить и выбирают те власти, которые они хотят, чтобы были у них. Все остальное – это эксперименты, они очень различны, но это только эксперименты. И это эксперименты часто и, как правило, к сожалению, неудачные. Например, западноевропейский эксперимент полного отказа от демократии, это, естественно, просвещенческий абсолютизм. Он закончился во всей Европе в конце XVIII века полной катастрофой, всюду после этого возникли демократические сообщества, которые в той или иной степени были в доабсолютистской Европе. Так что когда мы думаем о демократии, которая совершенно, конечно, не противоположна меритократии, а ее предполагает, то мы должны это помнить.

Когда Надежда Арбатова сказала, что Черчилль говорил о том, что демократия – это тирания толпы, Черчилль употреблял абсолютно корректную формулу восьмой книги «Политики» Аристотеля. Но там Аристотель противопоставлял демократию как неверную форму политики как верной форме. Мы сейчас называем демократией верную форму, просто изменилось терминологическое понятие и поэтому слова Черчилля здесь неприемлемы. Как раз та тирания толпы – это уже не демократия в нашем современном смысле. Это охлократия, как мы ее сейчас называем.

Сергей Павленко: Я постараюсь быть максимально кратким и поэтому проигнорирую дискуссию про мусульман, хотя имею что сказать. Но я хотел бы особо отметить, что понимаю боль профессора Крастева как человека из государства, которое уже подошло к режиму Сомали. И думаю, что все-таки здесь есть несколько рамок для обсуждения проблемы меритократии и демократии. Первое – это государства Восточной Европы, которые не прошли испытания кризисом 2008 года. И элиты, которые оказались неспособны предвидеть, подготовиться и более или менее органичным образом, неразрушительным для идеологии демократии, не для процедур, для идеологии демократии пройти этот кризис. Но я могу сказать, что тут есть два извиняющих момента. Первый, что само государство может быть как мотором, так и ценой экономического роста и исчезновение государств – это не такой уж странный процесс. Собственно Польша возникла недавно, Болгария тоже возникла в историческое время, следовательно, они могут и исчезнуть в процессе трансформации Европейского Союза в более интегрированное политическое энтити. То есть, ликвидация структурного разрыва между единой монетарной политикой и регионализованной государственной политикой, - фискальной, бюджетной, какой хотите. Уже очевидно, что в Европе есть лидер – это Германия, которая продемонстрировала способность правильным систематическим образом менеджировать этот процесс. Поэтому боль по демократической проблеме, конечно же, должна оцениваться и с этой точки зрения, что какие-то демократические структуры в исторически ближайшее время исчезнут.

Теперь про меритократию. Поскольку про мусульман невозможно не сказать, я хочу сказать, что есть одно государство в мире, которое институционализовало эту форму, за исключением Общественной палаты, – это Иран, в котором вот уж меритократия рулит

страной. Ничего хорошего не видно. Но, несмотря на это, самые большие темпы экономического роста, самые разумные экономические реформы, самый адекватный ответ кризису – это именно в странах с политическими режимами, которые принято называть мусульманскими. Я думаю, что экономическая политика Мурси, экономическая политика Эрдогана стоит того, чтобы разрешить ношение чадры. И это, видимо, так и будет происходить.

Теперь другой аспект боли профессора Крастева, он заключается в том, что если мы говорим о неадекватности региональных элит, то мы можем прямо называть эти страны: Словакия, Словения (особенно Словения, которая наносит уже такой существенный удар по всей зоне евро, способна, во всяком случае), еще какие-то страны – Сомали, Украина, если кто желает. Но кризис 2008 года продемонстрировал, что в еще более униженном положении находится интеллектуальная элита, которая не смогла адекватно оценить краткосрочные и среднесрочные вызовы, которые были сформированы пятнадцатилетним периодом экономического роста, который сейчас и заканчивается.

Что касается глобального процесса, то я хотел бы сказать, что тут вопрос демократии, наверное, формулироваться должен немножко по-другому, если мы говорим о среднесрочном периоде. Что мы наблюдаем? Мы наблюдаем историческое восстановление места Китая в мировой экономике – раз, которое до сих пор не достигло органически свойственного этой стране шестидесяти процентов мирового ВВП, то есть то, что было вплоть до XIX века. Только в XIX веке это изменилось. До этого Китай был ведущей мировой державой. Это первое. Второе. До сих пор не восстановлено единство мировой экономики, которое было до XIX века. И этот процесс идет, но что мы имеем нового? Мы имеем возникновение новых информационных технологий, которые в принципе способны ликвидировать понятие «интеллектуальных элит» и снять проблемы меритократии как таковую в ближайшее же время. Самый минимальный пример: мы наблюдаем исчезновение класса журналистов. В ближайшее время они исчезнут как отдельная профессиональная группа, например, для Франции это более серьезный удар по всей системе организации власти, нежели строительство там мечети в Notre-Dame. Дальнейшее развитие информационных технологий ставит вообще вопрос о существовании каких-либо элит, кроме бюрократических и финансовых. Бюрократические занимаются преступностью, осуществляют правопорядок, а финансовые формулируют экономическую политику на основе открытого свободного рынка. Этот процесс непростой, ему будут мешать, конечно, многие интеллектуалы, включая присутствующих здесь, потому что сохранение своего родного государства – раз, сохранение своей родной газеты – это серьезно, но, тем не менее, нужно понимать, что этот процесс объективный. Спасибо.

Леонид Григорьев: Можно по-русски? Ну, для разнообразия. Во-первых, огромное спасибо. Когда я выступаю у экономистов и социологов, мне регулярно приходится влезать в политологию, потому что масса проблем экономических и социальных элиты решают не по учебникам, а из своих шкурных меритократических и прочих интересов.

Во-первых, я с огромным удовольствием прочел статью, хочется про все написать ответ, не в смысле – не согласен, - согласен, но кроме меритократии. Я начну с этого. Нет одних и тех же элит, ведущих себя таким образом, - вот они аристократические, все у них хорошо, теперь у них кризис, нет, как только начинается кризис и угроза позициям элит, они меняются. И эта овечья шкура меритократии, возможно, в ряде случаев спадает и вылезает нормальный представитель элиты, который хочет выжить, только раньше у него было все хорошо, экономический рост – теперь надо выжить, причем появляются глобальные проблемы, это совершенно другая ситуация.

А дальше несколько пунктов, которые я постараюсь тезисно развить, потому что меня так долго никто не вытерпит. Все-таки я чужак, своих – терпят.

Первое – информационный фактор, исчезли какие-то неопределенности в мире, исчезли неизвестные земли, неизвестные ресурсы, американская геология пересчитала все потенциальные пятна нефти на арктическом шельфе. Ничего не известного не осталось, кроме одного – поведения людей. Все, с чем мы сталкиваемся во время трудностей, люди меняют свое поведение, массы меняют, группы меняют, какие-то начинают происходить события. Все остальное счетно. То есть мы не можем рассчитывать, что какие-то неучтенные ресурсы позволят всем выкарабкаться. Это речь идет уже о дележке окончательного пирога. Отсюда вылезли глобальные проблемы. Вы не можете решать глобальные проблемы за счет неизвестно каких-то дополнительных ресурсов. Вы должны перераспределять те ресурсы, которые у вас были для домашних проблем и для, я забегаю вперед, перераспределения в пользу своих бедных, обиженных регионов и т.д. Вы должны отнять у кого-то ресурсы и отдать. Маленький пример решения – абсолютно гениальный. Я только что был на Джи Эй в Лондоне, Дэвид Камерон придумал новую вещь, что теперь не государства помогает бедным странам, а помогает бизнес. Бизнес инвестирует социально ответственные проекты. Переименуем треть проектов в социально ответственные, и все будет отлично. Но важно, что спасение бедных в своей стране и убогих в других странах – теперь ответственность бизнеса, а не правительств и не гражданского общества. Но это же все равно инвестиции во что-то. Предполагается, что они прибыльные. Первые-то прибыльные, а вот чтобы в массе...

Второе. Все-таки мы поняли, что переваливая с ВВП на душу за 15-20 тысяч долларов мы не получаем стабильность. Мы получаем более высокие аспирации, более высокие ожидания. И те, кто были удовлетворены при 12, при 15, вдруг оказываются неудовлетворенными. Чистый ВВП на душу не решает проблемы, потому что перераспределительный конфликт только усиливается, скорее. Это понятно. Проценты дележки начинаются более сложные. Возьмите сам кризис. Во-первых, один фактор, который обычно упоминают: пять лет это невыносимо. Наш кризис 90-х годов показал и восточно-европейский, что 2-3 года кризиса семьи выдерживают, 4-5 лет срываются в иммиграцию. Люди не могут так выдержать семь лет. Поэтому важнейший фактор европейского кризиса это время. Что касается успехов европейского проекта, я должен вас расстроить. Мы сейчас просто сели и посчитали. Есть работа хорошая про культурные коды, как культурные коды подцепили к Медиссону к траектории А, как они объясняют, почему страны на траектории А растут быстрее, чем другие. Должен вас огорчить. Больше не растут. По траектории А растут медленнее, чем контрольные группы, чем весь мир. Причем в основном европейцы. Из европейцев удержалась из крупных стран только Голландия. Естественно США в порядке и Норвегия. А вот страны европейские и Англия встали. И встали они в 21 веке. 10 лет стоят. Главу написал, опубликую, предьявлю, если надо, то переведу.

Поэтому мы имеем дело с ситуацией, когда пошел тяжелый перераспределительный конфликт, причем пять лет вперед, и впереди никаких перспектив его облегчения. Никаких перспектив! Это большой кризис, который меняет тип технологии, который перегоняет технологии, то есть тип экономического роста из расширения мощностей в снижение издержек, в изменение технологических параметров. Никаких просветов в ближайшие годы ни в бюджетах фирм, ни в бюджетах семей, ни в бюджетах государств не будет. Поэтому это все будет ухудшаться. Устоит только Домбровскис в Латвии, потому что он непоколебим. Все остальные будут меняться каждый год при всех выборах. Соответственно, бедных надо кормить, иначе будет им плохо. Пенсионеров надо кормить, потому что они голосуют на выборах. Регионы надо кормить, иначе начнут отделяться. А

кого не кормить? Не кормить жирный средний класс, который привык, что его кормят, а он будет недоволен. Недоволен, значит, возникают проблемы с демократией, с вертикалью. Это понятно. Маневр был гениальный в Греции и в Италии – и там, и там он не полностью сработал – это технические премьер-министры, мавры, которые приходят на какое-то время, а потом их спокойно ликвидировали. Где получается, где не получается. Каждая страна изобретает. Если раньше были козлы отпущения, это как бы экс-пост, а теперь у нас козлы отпущения должны планироваться экс-анд. Каждый меритократический элитар должен планировать вперед цепочку, иначе не выживешь. Маленький пример абсолютного практицизма в Европейском союзе. За последние три года потребление угля поднялось на 11 процентов, потребление газа падает, при том, что на единицу электричества в два с лишним раза больше выброса. Евросоюз борется за снижение выбросов, одновременно прагматика есть прагматика, переходит на уголь.

Теперь вопрос угроз для элит. Традиционные элиты жили в проблеме, что у них есть соседи враги – империализм, войны и т.д. А есть внутренние проблемы. Появление третьего фактора наружного создает некую проблему, и, в частности, проблему - на что ты опираешься внутри. Что хорошо действительно в тех элитах, которые вы называете меритократическими, то, что у вас меритократия, у меня это гибкая элита. Такая видимая часть элиты, которая прикрывает ту часть, которую мы не видим. У них есть одно преимущество. Они более-менее по ценностям и по многим вещам достигли согласия между собой и гражданским обществом по некоторым крупным вещам, и соответственно в любой момент у них есть авторитарные снаружи, которые являются отдушиной для внутренней политики. Тяжесть положения авторитарных режимов в том, что у них, конечно, с дисциплиной тяжело внутри, потому что гражданские общества, особенно те, кто продвинулись по образованию и по материальному положению на уровень близкий к среднему классу европейскому и мировому, они хотят жить не только с кондиционером, но и ходить на выборы и хотят, чтобы с ними считались. Отсюда у нас возникает проблема Бангкока и провинции, Каракаса и провинции, Каира и провинции, Москва тоже в своем роде, Стамбул и провинция – просто каждый день. Мы это видим. Отсюда два дисконтента. Дисконтент столиц и вот этой части общества с остальной страной. Вы никуда из этого выскочить не можете. ВВП на душу при этом распределении, при такой концентрации среднего класса в столице замыкает вашу политику в эту дихотомию.

Я думаю, проходя через такую турбулентность внутри стран и на международной арене, возникает вопрос соглашения элит. Конечно, очень хорошо, когда внутри меритократия, они там как-то будут приспосабливаться. Но вопрос по решению глобальных проблем меритократические элиты оказываются в ужасном положении. С одной стороны, они обещали своему гражданскому обществу борьбу за демократию во всем мире, а с другой - непрерывно вынуждены взаимодействовать с авторитарными режимами, поскольку без них никакой проблемы решить невозможно – ни терроризма, ничего другого. Некоторые режимы коррумпированы, между прочим. Некоторые просвещенные профессора считают, что и слава богу, а иначе вообще бы ничего не было. Вы даже не знаете, насколько вы правы, потому что есть целая теория, которая показывает, что когда идиотские законы, то лучше взятки, чем буквальное выполнение идиотских законов, которые вас полностью парализуют. С экономикой точки зрения это точно. Мы имеем некоторые наглядные примеры к этому вопросу. Поэтому, заканчивая, я расскажу анекдот, который мне представляется оптимистическим, это советский анекдот, ему лет сорок. Это было из времен, когда все происходило на каких-то необитаемых островах. Какой-то самолет неудачно сел на воду и куда-то уплыл, на острове остались американец, француз и русский. Песчаный остров такой и одна пальма. Русский при падении спас бутылку водки, ушибся, но спас. Вот они сидят, жара 40 градусов, делать абсолютно нечего. Выпили с горя полбутылки водки, что попросту легче голове. И вдруг джинн спускается с

пальмового дерева и предлагает каждому выполнить одно желание. Американец говорит: у меня деловой митинг в Нью-Йорке. Раз – и исчезает в Нью-Йорк. Француз говорит: у меня свидание в Париже. Раз - исчезает в Париж. И сидит наш один как дурак, с полбутылки водки. Жара 40. Одна пальма, нечего делать. Он говорит: слушай, какая была хорошая компания. Полбутылки водки осталось. Верни их обоим.

Сергей Караганов: Я бы хотел вернуться к тому, что, судя по дискуссии, просто мы должны прийти к мнению, что все наши прежние идеологические или даже интеллектуальные взгляды могут оказаться неправильными, вообще все. И, может быть, это самый важный вывод из этой дискуссии. То, что Иван [Крастев] сказал, он назвал реформизмом, то есть, необходимо просто двигаться неизвестно куда, это только нам и остается. Потому что раньше все мы считали в России, что нам нужно построить средний класс. Тогда будет хорошо. Теперь мы выясняем, что средний класс, когда его строят в развивающихся странах, производит революцию. Потом мы вспоминаем свою собственную историю, революцию 1917 года, она ведь не пролетариатом была сделана. Она была сделана именно средним классом. Разложилась верхняя власть, они снесли все и проложили дорогу некоей банде, которая была абсолютно маргинальной, которая просто предложила массовый грабеж - грабь награбленное. В Германии, между прочим, средний класс, когда он почувствовал угрозу своему уровню жизни, привел к власти Гитлера. Это средний класс Гитлера привел к власти, а не рабочий класс. Мы почему-то говорим, что Гитлера привели к власти заговор Круппа. Нет, его привел к власти именно средний класс.

И я возвращаюсь сейчас и хочу подчеркнуть ту мысль, что, может быть, в напряженных отношениях либо мы должны вернуться к очень базовым вещам – сила, суверенитет, если это возможно, либо мы должны ставить все под сомнение. Может быть, вот этот релятивизм есть та спасительная соломинка, за которую нужно схватиться. Нужно делать то, что, возможно, окажется полезным. И все. В России мы сейчас еще боремся с фантомами прошлого, потому что мы хотим строить средний класс. А средний класс в России мы немножко создали, а средний класс обманули. Средний класс вышел на улицы, потребовал, чтобы Путин ушел. Ничего не предложил. И что? Он не играет сейчас никакой позитивной роли, хотя это мой класс, это мои друзья и душой я с ними. Они не играют никакой позитивной роли, а играют роль в лучшем случае нейтральную пока, а, может быть, уже негативную.

Теперь что касается наших идеологических убеждений. Нельзя факт заменять идеологическим убеждением. Можно говорить о том, что молодежь у нас хорошая. А она действительно хорошая, ее нужно воспитывать. Но в качестве человеческого капитала, о котором я говорил, по всем показателям это в среднем 25 лет у нас в России. Качество человеческого потенциала. Это качество образования, здоровья, продолжительность жизни и еще несколько параметров. Уровень привязанности к земле, к патриотизму, еще моральный – это все ухудшилось. Хотя действительно растут молодые, хорошие люди. Может быть, действительно в этой абсолютно релятивистской ситуации нам нужно думать о том, чтобы вкладывать просто а) в людей в надежде на то, что люди ищут ситуацию, которая абсолютно беспрецедентная и которая меняется каждые несколько лет. Это первое. И второе, что я хотел бы вынести из нашей дискуссии, это то, что, конечно, мы вступаем сейчас в мир гораздо более жесткой борьбы государств. А это будет означать, просто прекращение мирового роста, усиление борьбы и соревнования за кусочек мирового пирога, наряду с ростом потребности выросшего среднего класса, приведет к тому, что государства будут гораздо более жестко пытаться бороться за позиции на мировом рынке. Демократизация мира, как мне кажется, приведет к тому, что государства вынуждены будут возвращаться назад. Потому что государства вынуждены откликаться на требования масс, которые сейчас гораздо более информированы, гораздо

более активны, а вынуждены будут бороться друг с другом гораздо более жестко. Мы вступаем в гораздо более жесткую геополитическую борьбу. И это результат позитивных изменений в мире. Я не исключаю, что моя гипотеза неправильна. Но, тем не менее, мне кажется, что важнее сейчас не пытаться построить свое старое представление под новые реалии, а оценивать новые реалии так, как они есть. Поэтому в нашу компанию, на наши семинары нужно звать как можно больше молодых людей, которые не впитали в себя еще тех теорий и тех представлений и тех идеологий, которые мы тащим за собой, которые могут таким образом обогатить нашу компанию. Спасибо.

Федор Лукьянов: – У меня вопрос конкретный для обсуждения на последней сессии. Во-первых, да, есть предположение, что глобализация как она была, универсальная глобализация заканчивается. Теперь начинается новое группирование стран с тем, чтобы создавать более мощные рынки и тем самым навязывать остальным выгодные для себя условия. То, что сейчас выдвигает президент Обама, в общем, это конец той глобализации, которая была. Это создание преференциальных зон экономических. Во-вторых, то, что сказал Иван [Крастев] о том, что сейчас главная задача не мобилизовать внутреннее на экспансию внешнюю, мобилизовать внешнее на решение внутренних проблем. Это получается такая контримперская политика. То есть, наоборот. С другой стороны, это же требует, чтобы влияние, внешний инструмент внешнего влияния были все более мощными. Значит ли это, что мы действительно движемся на самом деле к очень жесткому обострению, наверное, не военных, а экономических отношений в мире, когда борьба этих группировок приобретет характер, если не прежней холодной войны, то, по крайней мере, очень острого противодействия. То есть, ни о какой гармонии вообще говорить уже нельзя. Это для дальнейшего обсуждения.

3 сессия. «Меритократия: ценности, идеология, мораль»

Участники:

Сергей Брилев – заместитель директора ГТК «Телеканал Россия»; руководитель и ведущий программы; «Вести в субботу»;

Александр Ломанов – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН;

Александр Смолар – президент варшавского фонда Стефана Батория;

Алексей Миллер – ведущий научный сотрудник Сектора теории и методологии политической науки ИНИОН РАН;

Александр Аузан – президент института национального проекта «Общественный договор», декан Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор;

Оксана Гаман-Голутвина – президент Российской Ассоциации политической науки (РАПН), профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ;

Надежда Арбатова – заведующая отделом европейских политических исследований (ОЕПИ) ИМЭМО РАН;

Ольга Малинова – доцент, главный научный сотрудник Сектора теории и методологии политической науки ИНИОН РАН;

Шломо Авинери – профессор политических наук древнееврейского Университета в Иерусалиме; заместитель генерального директора Министерства иностранных дел по делам Ближнего Востока в 1967-1969 гг.;

Федор Лукьянов – председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике».

Сергей Брилев: Давайте начинать, остальные подтянутся. Третья сессия. С большинством из вас я знаком, но для тех, с кем мы сегодня встречаемся впервые, меня зовут Сергей Брилев, я имею счастье быть членом президиума СВОП и несчастье работать в телевизионной журналистике. Хотя понятно, что модератор – это, скорее, подставка для микрофона, я все-таки чуть-чуть поделюсь двумя вещами: а) призываю всех нас вернуться к той повестке, которая обозначена в названии конференции, потому что при всей интеллектуальной насыщенности дебатов на предыдущей сессии согласимся, что мы в какой-то момент немножко унеслись в вопросы чуть ли не геополитические, забыв о меритократии, которая, по-моему, является занятнейшим предметом для исследования и обсуждения; б) здесь я буду чуть подольше: я хотел несколько примеров назвать из моей рабочей практики, которые меня в известной степени еще больше запутывают в обозначенной нами теме. Так получилось, что я веду субботнюю программу, последние полтора года основная часть массовых московских митингов проходила по субботам, в 90 процентах случаях. Поэтому перед вами находится крупный специалист по массовым акциям думающих классов. Я назову вам цифры: общий друг многих присутствующих здесь Володя Рыжков, безусловно, присутствует на политической площадке в силу мерита, нежели в силу своей избранности, что объясняется рядом политико-исторических обстоятельств последних лет семи. Наверное, этот мерит позволял нам регулярно приглашать Володю в эфир после митингов. К третьему появлению Володи в эфире поминутно рейтинг падал в два с половиной раза. И это на фоне того, что очень многие из тех, кто обладает меритом, и не задумываются о своих электоральных перспективах и вообще выпадают из этого поля. Поэтому эта диффузия мерита с демократией – вещь, по крайней мере, в моей профессии, тем более сложной и комплексной, когда ты начинаешь ею заниматься с практической точки зрения.

Еще одна ремарка: у Ивана [Крастева] в статье я выделил одну микрочастность, которая тоже, тем не менее, занятная, он пишет о том, что в коммунистические времена власть имущие обязаны были тесно общаться с народом, будь то человек, который продавал свежую зелень, - это его пример, - или еще каким-то. Хотя мне 40 лет, я успел застать излет советских времен, по моим ощущениям тесно общались с народом, опять же, приведу конкретный пример, люди типа второго, третьего секретаря Туапсинского райкома партии, но вот с Московскими райкомами такого совершенно точно не наблюдалось. Поэтому опять же, в этом анализе, куда прыгать, я не совсем понимаю, от чего мы в данном случае толкаемся.

И еще одна маленькая штучка, которая, я надеюсь, все-таки имеет отношение к тому, что мы здесь обсуждаем: с тем же Марком Леонардом мы познакомились, когда я работал в Лондоне в корпункте, сразу после (говорит по-английски). Я помню, как мы с Марком познакомились, это был 1997 год, после того, как случился лэндслайт и место консерваторов пришли лейбористы. Я был очень в хорошем смысле лирически настроенным молодым человеком в плане того, как работает демократия, но я помню, что к концу 1997 года меня очень неприятно удивила одна вещь: только-только ушли (говорит

по-английски), но почему-то к концу года все они, проигравшие выборы, каким-то чудесным образом оказывались членами советов директоров крупнейших корпораций. И у меня возник наивный вопрос: они не имели к ним отношения до этого, или, может быть, говоря вокабулярием сегодняшней нашей с вами сессии, демократия была механизмом получения мерита, после которого ты попадал в совет директоров, а в общем-то это в известной степени можно назвать коррупцией постфактум. Иными словами, я, возможно, в силу своей профессиональной принадлежности сейчас специально применил несколько очень поверхностных, но, надеюсь, в достаточной степени провокационных примеров, чтобы вернуться к тому, что объявлено в названии нашей конференции. Ну а благо, если переводить все на язык короткого заголовка, все, чем мы занимались первые две сессии, было описанием того, в какой же кризис попала наша с вами цивилизация, а это так, - будь то российская, англосаксонская или европейско-континентальная ее составляющая, я думаю, может быть, мы вернемся нашими мыслями к нашему великому восточному соседу – Китаю, и начнем с Александра.

Александр Ломанов: Спасибо за возможность высказаться на этом уважаемом мероприятии. Моя задача одновременно и облегчается, и усложняется тем, что тема Китая уже и вскользь, и где-то более глубоко в докладе Марка Леонарда уже звучала на нашей сегодняшней встрече, но здесь очень интересен вопрос о том, в какой мере Россия и Китай могут быть совмещены в одной общей категории, будь то авторитарный капитализм или нечто недемократическое и непонятное, потому что при ближайшем взгляде, сразу бросаются в глаза нюансы, которые нуждаются в прояснении. С одной стороны, можно сказать о том, что и в России, и в Китае твердят, что политической альтернативы нынешним лидерам нет, но, как всегда, всякие мелочи кроются в частности, потому что несомненно – да, альтернативы нет, но в Китае мы уже знаем, кто придет к власти в 2022 году. Именно поэтому специфика Китая в том, что, скорее, можно сказать, что нет политической альтернативы системе, чем нет политической альтернативы конкретному человеку, который стоит у власти, потому что пара людей, оба родились в 1963 году, которым в 2022 году предстоит стать соответственно членами Постоянного комитета политбюро ЦК КПК, а в 2023 году стать Председателем КНР и премьер-министром, уже известны. Меритократия ли это?

Второй вопрос о том, как сложились бы судьбы этих людей, если бы такое происходило в России или в Западной политической системе? Некто уже знает, что через десять лет он станет главой крупнейшей, самой богатой, самой мощной в мире страны, тем более что как раз к этому периоду китайцы ожидают, что по объему ВВП они превзойдут США, и как себя этот человек должен вести? Самое любопытное, что эти люди, хотя официально и не сказано, что они – будущие лидеры Китая, это понятно из их возраста, из того места, которое они занимают в социальной иерархии, из того, что на следующем съезде они по возрастной категории получают возможность перейти на более высокую степень в партийной иерархии. Любопытно то, что не только отбирают достойных, но как бы отбирают тех, кто готов войти в эту меритократическую систему и продолжить процесс своего, что называется, меритократического самообразования. В данном случае, один из этих предположительных лидеров сейчас возглавляет провинцию, которая находится неподалеку от рубежей России на северо-востоке Китая, другой возглавляет один из крупнейших мегаполисов в центральном Китае, мегаполис с населением практически 50 млн. человек. Эти люди в течение еще десяти лет будут проходить школу, которая будет их готовить к тому, чтобы стать в будущем лидерами Китая. В данном случае коллеги могут меня поправить, я просто не берусь сказать, кто будет президентом России после 2024 года, боюсь, что такой кадр у нас еще не найден. И если бы он был найден, то стал бы объектом критики, нападков, насмешек или наоборот, стремления выстроить вокруг него коррупционную группировку. Но, так или иначе, в силу специфики китайской

системы, вокруг будущих китайских лидеров следующего десятилетия такого пока в явной форме не происходит. Когда мы говорим о том, что и в России, и в Китае усиливается нетерпимость к политической оппозиции и диссидентству, опять-таки я не берусь судить о происходящем в России, поскольку, во-первых, это слишком близко и воспринимается более по новостям эмоционально, а не как предмет анализа, то что касается Китая, в данном случае я бы не стал преувеличивать общность, как Россия и Китай давят политических диссидентов, и эта тенденция усиливается. Скорее всего, в Китае мы имеем циклический процесс, совершенно стандартный, который повторяется уже не первый раз, - перед крупной сменой власти, перед партийным съездом в политической жизни страны происходит заморозка: все дискуссии останавливаются, интеллектуалов всячески начинают придерживать, чтобы они меньше обсуждали острые политические темы, резкие дискуссионные проблемы сворачиваются. Съезд проходит, смена власти проходит, исходя из прецедентов, из того, как развивается Китай, можно ожидать «разморозку» внутривластной ситуации в Китае в 2014-2015 годах и очередную «подморозку» политической ситуации со второй половины 2016 года в преддверии следующего партийного съезда. Поэтому очень важно и то, что в Китае очень многое зависит от способности элиты договариваться. Можно сказать, нет отдельного режима, который был бы настолько обособлен от элиты. Поэтому когда мы говорим о том, что человек из ниоткуда скорее может стать случайно президентом США, чем лидером Китая, то, можно сказать, вопрос о том, а кто такой, собственно, этот человек из ниоткуда. В китайской системе невозможно, чтобы это был силовик, так как в китайской традиции уже сложилась концепция, что партия командует винтовкой, а не винтовка командует партией. Превращение бизнесмена в лидера Китая бросает слишком большой вызов принципам народной демократии, к тому же у китайского бизнеса пока еще просто нет такого опыта политического руководства.

Марк Леонард упомянул о людях «с особыми качествами ДНК», так называемых принцах, которые сейчас действительно представлены достаточно сильно в китайской власти. Правда, там не все так просто, поскольку один из них вошел в когорту элиты благодаря браку, но при браке с дочерью высокопоставленного чиновника самому человеку ДНК от жены вряд ли в такой степени передается, но, тем не менее, необходимо подчеркнуть, что «феномен принцев» сейчас находится уже на излете. Это было историческое явление, совершенно специфически этапное, китайской меритократии, когда после кризиса 1989 года китайская элита испугалась, что на примере того, что происходило в СССР, что там нет надежных преемников, которые были бы верны делу социализма, делу сохранения партии у власти, поэтому ставка была сделана на продвижение так называемых принцев – детей высокопоставленных революционеров, считалось, что их социальная принадлежность, их кругозор будет гарантировать, что эти люди будут сражаться до последнего за то, чтобы партия осталась у власти и не потеряла свои позиции. Можно сказать, что наличие такой ДНК может привести не только наверх, но и вниз, тот же Бо Силая, это тоже носитель такой мощной «красной ДНК», это сын одного из крупнейших китайских политических деятелей середины прошлого века, примерно сопоставимый по уровню своего «красного генетического потенциала» нынешний китайский лидер - Си Цзиньпин и Бо Силая сопоставимы, но один из них сейчас является Генеральным секретарем, председателем КНР и главой центральной военной комиссии, а другой находится в тюрьме по обвинению в коррупции, злоупотреблениях и нарушениях. Поэтому, скажем так, это такая проблемная ДНК, которая может вывести человека и вверх, и вниз. Тем более, что главная проблема с Бо Силаем состояла в том, что он попытался развернуть в Китае предвыборную кампанию по американскому образцу, бросая тем самым вызов системе. Это была попытка пробиться наверх не через систему рекрутинга, которая существует внутри Компартии Китая, а через обращение к народу и через обращение к «партийным старцам», в китайской системе есть понятие о

рекомендательной силе пенсионеров из числа высокопоставленных партийных работников, военных, героев труда, которые должны участвовать в процессе отбора и рекомендации при нахождении новых китайских руководителей. В данном случае, Бо Силай попытался непосредственно обратиться с популистскими воззваниями к народу, попытался очаровать этих «партийных старцев», чтобы они увидели в нем пламенного сторонника уравнительного социализма, сторонника социальной справедливости, в котором бы они почувствовали человека, готового бороться за декларируемые принципы Компартии. Но все окончилось тем, что он пострадал не за свои убеждения, все началось с того, что его семья оказалась замешанной в криминальных разборках. Места для открытого публичного сражения за место внутри системы в Китае не нашлось.

Поэтому можно выдвинуть такую формулировку, что Китай движется от меритократии к меритократии без демократии. В конце концов, почему бы и нет? Ведь такой путь также вполне возможен, можно вспомнить о том, что в Китае в течение практически полутора тысячелетия существовала система экзаменов на занятие чиновных должностей, которая была доведена очень до высокой степени совершенства, с помощью этой экзаменационной системы заполнялись должности снизу доверху, вплоть до чиновников, находящихся на самых высоких ступенях при императорском дворе. В данном случае, изменилось лишь то, что китайская система по-своему была демократичной, меритократичной на протяжении многих веков, когда существовала параллельная система, скажем, с одной стороны, если в центре император, но так считалось, что у императора есть «мандат неба» на правление, а вокруг него бюрократия, которая комплектовалась, исходя из состязательных экзаменов на знание гуманитарных текстов, прежде всего, на понимание традиционного мировоззрения, добродетели, на понимание того, что такое добродетель и насколько добродетель и мораль важны при формировании правильного правления. В связи с этим очень любопытно то, - это мелкая деталь, но она также помогает уяснить, как восприятие концепции меритократии менялось в современном Китае, - сперва термин «меритократия» перевели на китайский язык в профессиональной литературе как «элитаризм», тенэнь чжуи, идея элитности, идея элитаризма, а сейчас наиболее расхожим, общепринятым термином стало «выдвижение мудрых», или «выдвижение мудрых и возвышение способных», а в рамках китайской культуры это не воспринимается как термин, который появился в западной политологии 50 лет назад, потому что выражение «отбор мудрых и выдвижение способных» существует в контексте китайской культурной традиции уже минимум два тысячелетия. Китайцы, как всегда, поступили мудрее всех и открыли меритократию у себя, в своей древней классической традиции. Когда они переводят тексты о меритократии, говорят: в общем-то да, но у нас-то это уже было очень давно, просто в силу некоторых исторических пертурбаций это было на время отстранено, но когда происходили революции, власть захватывали, к власти приходили революционеры, после того, как система стабилизируется, китайская система становится что называется меритократической по своему определению. Поэтому об этом уже было кратко сказано, но хотелось бы еще раз подчеркнуть, что очень важно, что китайская система сумела сама себя ограничить, это очень четкое ограничение на то, что лидер может занимать свой пост только в течение десяти лет и только в течение двух сроков, без каких-то шансов вернуться туда заново, договориться о том, чтобы продлить свой срок политического существования. Это очень четкая, жестко регламентированная система – в 60 лет пришел, в 70 лет ушел, и на твое место приходит преемник. Поэтому в данном случае китайский лидер не является настолько сакрализованным и безальтернативным, как это было когда-то и терминологически это уже сказалось в том, что после Цзян Цзэмина, который покинул власть в 2002 году, Генерального секретаря перестали называть ядром. До этого была такая формулировка: «Центральный комитет с ядром в качестве товарища такого-то» - Цзян Цзэминя, Мао Цзэдуна, а после этого – Ху Цзиньтао, нынешний Си Цзиньпин,

это просто Центральный комитет КПК с товарищем таким-то в качестве Генерального секретаря, он просто какой-то Генеральный секретарь, он уже не центр, не лидер, не ядро, у него уже нет такого выдающегося статуса, как был когда-то. Поэтому в данном случае можно сказать о том, что китайский путь настолько специфичен, что его невозможно скопировать в России или на Западе хотя бы в силу отсутствия полуторатысячелетней традиции имперских экзаменов, построенных на проверке знания моральных текстов, но сама возможность движения от меритократии к меритократии без демократии настолько любопытна, что, разумеется, заслуживает более пристального изучения и осмысления.

Сергей Брилев: Александр, я честно вам скажу: к остальным буду более жестко относиться к регламенту, но просто в силу того, что здесь была информация о другой цивилизационной площадке, мне кажется, всем было интересно послушать, я даже позволю себе один дополнительный вопрос: при взгляде на наши страны, - не хочу смешивать, естественно, Россию и Китай, но, тем не менее, - очень часто повышенное внимание в последние 1,5-2 года обращается на такую категорию политических активистов, как блогеры, - сегодня даже уже в китайском контексте звучало это слово. Как показывает практика последних полутора лет в России, популярность в социальных сетях, будь то Фэйсбук, ВКонтакте, что угодно, обязательно коррелируется не только с электоральной дееспособностью, но даже с мобилизацией потенциального электората. А в Китае блогеры, завоевывающие мерит на этой площадке обладают какой-то политической перспективой?

Александр Ломанов: Речь об их интеграции в партийную систему, - я пока не вижу такой прямой перспективы, за исключением, если мы не говорим о «красных блогерах», которые заполняют интернет-пространство новостями и комментариями в интересах правящей партии. Но то, что происходит определенный симбиоз, когда внезапно появляющиеся разоблачения каких-то скандалов, публикуется информация

Сергей Брилев: Это то, о чем мы сегодня говорили – спик-фон для недовольства

Александр Ломанов: Что происходит, о том, что коммунистическая партия мгновенно это использует, это не совсем то, потому что в данном случае здесь как бы человек, что называется, упал с лошади, и после этого уже начинается его окончательное разоблачение силой блогеров, - нет, это когда блогеры первыми вбрасывают информацию о лихоимцах, ворах, людях, несдержанных в личных связях

Сергей Брилев: Это «красные блогеры»

Александр Ломанов: Нет, это независимые блогеры, информация которых, нет, «красные блогеры» - это те, которые пишут о том, как уверенно и правильно продвигается Китай вперед по избранному пути и комментируют какие-то новости.

Сергей Брилев: Понятно.

Александр Ломанов: А вот такие внезапные разоблачения, которые раньше старались как-то заминать, отводить на второй план, затушевывать, сейчас, если вдруг эта новость вызывает скандал и подтверждается, что информация истинно такова, из этого устраивают большой скандал, этих людей снимают и в каких-то случаях судят и говорят: да, в данном случае глас народа, выраженный в интернет-пространстве оказал влияние.

Сергей Брилев: Спасибо. Я в этой связи сразу зарезервирую себе возможность, когда мы обратимся к присоединившемуся к нам Константину Костину эту тему немножко

поразвивать, потому что было любопытное исследование на этот счет, но пока Александр Смолар, прошу.

Alex Smolar: Sergey Karaganov in his last issue questioned all of our assumptions that they are wrong about the national sort of revisioning of methodological approach that I think we should apply to this conference as well. There are, it seems to me, two assumptions that implicit are both to be required here. First about a crisis of democracy and the second about importance of meritocracy. I think that partly they are both true, but only partly. I think that problem of crisis of democracy it has said already that we have several crises of democracy, we have watched the big debate in the 1970s about the crisis of democracy in States by on the left of Habermas and on the right of Huntington, there are still a lot of interesting things.

And I don't want to banalize, I think this is quite important that deeper crisis, much deeper because this is not only about democracy this is about the power structure, the kind of a distinct power structure of the nation state, but not only nation state, of European Union this is pattern of functional much deeper crisis. What is the source of vitality? Can this is the most profound dimension of the crisis making of what is the source of this functionality of democracy, the functionality of the structure of European Union, of the nation states.

I think that this is the consequence of globalization processes and the processes of integration of liberty of European Union. We can say that traditionally in the nation states we have political process, monopoly political process of social processes, of information, of symbolic identification, partly of these; it's not against of the nation. And to big and state economics there was not a big promise of the nation. All of those dimensions are dissociated today, which is the main fundamental problem of the weakness of politics today, politics is not controlling anymore. Still in very big countries this is possible to much bigger understand that is possible, we know that even the big politic of the United States is very difficult.

So there are deep historical reasons and it was very well expressed, very often quoted by prime minister of one of the smallest countries of European Union, but one of the wisest politician of European Union, Juncker, who said: "We all know what to do, we don't know how to win elections afterwards". Elections you can win in the nation states. What to do? You must do it on a level of European Union and this is the fundamental problem of solving the European Union. How to associate those two dimensions, a deeper immediate interest of the political class and of course in the nation state electorate and the same solutions which you can find especially with euro on the level of European Union.

And this is why we have this election without accountability - Mark was talking about, but with the same time I do not agree with Ivan when he was giving us an example of certain associalization of European Union that you have constitutionalization of certain decisions. We have constitutionalization from the war, democracy in Europe was built on constrain democracy, democracy built after war in Europe – this is constrain democracy. Imitated from United States constitutional court it was the way, especially in Germany, it was the way of limiting democratic process. We can see today how in the case of Germany the court can decide really about the future of all European Union, not only about Germany. After which we have Central bank and European Bank, institutions unknown in Europe before the Second World War. In Germany they went to a view that in constitution you cannot organize referendum because the way referendum a sort of emotional populist reaction which can destabilize the democracy. So this is the process. And in some nation states and Europe you have already constitutionalization with a very good effect. So constitutionalization of course this is the way to find a solution between this contradiction: local politics and the problems of European Union and this go back, this is the

way of constitutionalization depriving completions of solutions because the problems can be solved on the level of European Union.

So constrain democracy is not a liquidation of democracy. If we will observe the democracy development last 2000 years we will see the transformation of the democracy many times. We are in witness of a new democracy and you can see the certain elements of the new democracy. Certainly it will be democracy much more limited. For example already in the 1990s of the last century proposal of the United States about creating Central bank for fiscal authority independent from political process. And I read recently that The Economist was preparing a project depriving political process decision in very important investment project. Of course specialists will be chosen by politician, by parliament, for example. But the problem is how to limit negative spillover effects functioning of real existing democracy. In the world we have dissociation of different levels. Actually that's a very interesting interpretation of European Union in Fareed Zakaria book on liberal democracy; he was influenced by Anju Marashi. His interpretation was that partly European Union is like Central bank and like Constitutional court that this is institution created to solve certain problems you cannot solve at all on the level of nation states. So in a way it was antidemocratic interpretation of European Union. Quite possible there was a contradiction in the project of European Union, there was a possibility to go in that direction despite going to Fareed said or quite opposite one democratic way.

The last sentence about the way European Union was born. This problem is based of course on Jean Monnet principle. What was Jean Monnet principle? It was sooner the politization. You are progressing in economics and law and you are destabilizing politics of European Union and you are foresee by antipolitical means to adopt politics to existing reality of the economy. And in a way the crisis today of European Union we can interpret as the last and the most dramatic, quite possible and final stage of application of Monnet law.

Now the problem of meritocracy. I was surprised when I read that we are supposed to talk about meritocracy. Because the problem of meritocracy of course when I use the term, this is only about China. In Europe, for example, we are talking about another phenomenon, but speech is quite close, this is about technocracy. And the major political problem is the relations between technocracy and populism. This is the major conflict today in modern democracies. This is very interesting that those terms were not even used. And afterwards there is a Locke tradition of talking about bureaucracy a weak term which is fewer away from meritocracy but still it belongs to the same universal and very long tradition. Not only Weber but also critics of Soviet communism, Trotskyites and others of bureaucratic revolution but anyway this is very interesting. Why? Because of China.

Because China is a problem for the West. This is a big problem for Russia. For the West this is quite obvious. China shows that some Western writers, democrats like Tom Freedman in 2009 wrote in his article that this regime Chinese is better, because they are capable to progress, to assure the progressive changes democratic system with its corporatism, with lobbies, with hedonism individualization of concept is not anymore possible to solve. And China without that democratic mechanism is capable to solve it. This is partly true that they can solve the certain problems. It's much more difficult and this allows solving in the democratic case, it was said already.

Let's talk about Russia. We will talk analytically about Russia today. This is very surprising, giving the place of talking about the West, about China, very little talk about Russia. Here we have a paradox. China and Russia started as the same more or less moment with the same decommunization, but they have chosen different roads. Soviet Union is more or less the same road as Central Europe, but Central Europe with a success, Russia is not, it's mostly a post-soviet

country. But Russia still is much more moralist, democratic country than China is. This is quite obvious when you are having here in one country and another, that Russia is much closer to the West. So why about Russia you can find quite often description painful in the West about “patrol state” and why China is the subject of a “global success” of historical absolute success.

This is very interesting. I think that in China case they found the way of continuing their institution with the same time they found functional substitutes of certain control mechanism of democratic states. So this is the problem of change mechanism about elites and this is also a problem of very important word in politic language in China: “experiment”. They have thousands of different experiments, also democratic experiments on the grass level. They are doing a lot, actually they will find theoretician saying we need democracy on the grass level, we need meritocracy we will control by others, and we will control ourselves on a top level and in between experimentation. But still they are much more open they found a certain substitute and Russia is in the way out. There is a lot of change in the same time, a lot of forms of democracy, but not control mechanism, not control of those who govern. You have very limited social base of those people, who are replying, those are friends of the “hozyain” of Kremlin, or more or less people who are close, occupying the high post. I am not developing afterwards, this is existing.

Sergey Brilev: Let me ask you a question just refer to a creation of the independent fiscal authority in western system. There was an experiment about this in England. When Gordon Brown became the Chancellor of the Exchequer in 1997 the first thing he did he granted the independence to the Bank of England. But even if we put this out of the brackets the question is if you really try to create a new system of checks and balance which in a way is democracy, how do you not elect, how do you select people for proper position so that they are conserve the balance? This is a parallel because it also grow under the stereotype that everyone should be elected in order to be able to call the society democracy. But this is not necessary in this case, the very point of the meritocracy.

Alex Smolar: It was said that there is no more meritocratic system, than democracy, but there is a big difference in one of the countries, I’m living in France, for example, this is very close society you must pass by so called Grand Ecole, very elite school and you can not later enter to elect, you cannot get there is much more obvious. And even in Great Britain – very traditional one – there is much more open system and certainly in Germany, of course they are not equal I’m not sure that this is the best system, in quite terms you know how open the Chinese system of advance career, there is psychological control so I think that democracy is very different in different countries but this is functioning.

Сергей Брилев: Прошу вас, господин Миллер, вы активно и кивали, и не кивали, может быть, по-болгарски это было – все наоборот, но мы сейчас посмотрим.

Алексей Миллер: Спасибо. У меня такое ощущение, что Майкл Янг сослужил очень плохую службу этому понятию – «меритократия». Он его придумал в таком виде, оно звучит так, как будто это альтернатива демократии или что это вообще форма режима. Мне кажется, что разумнее поставить вопрос о том, как разные формы режима такое пространство оставляют меритократическому принципу, потому что понятно, когда мы говорим о Китае, то это партократия сегодня, которая использует определенные институты для осуществления отбора исполнителей по принципу мерит. Демократия тоже имеет свою традицию отношений с понятием «мерит». Можно сказать, пожалуй, что чем дальше в лес, тем меньше мерит. То есть, институциональные изменения в демократии, к сожалению, затрудняют использование этого принципа. Что я имею в виду? Давайте посмотрим на то, как функционировали элитистские демократии. Что значило «элитистские демократии»? Это и более качественная содержательная дискуссия в

парламенте, это, заметим еще, медийная среда, в которой основной формой выражения политической концепции была статья в газете или какая-то пространная речь в парламенте, которая в газете перепечатывалась. Адресована она была людям, которые были способны это прочитать и даже что-то из этого понять.

С точки зрения изменения медийной среды и механизмов функционирования избирательного процесса сегодня условия совершенно очевидным образом затрудняют реализацию этого принципа экспертности, потому что главный элемент медийности – это телевизионный клип, причем, судя по тому, что произошло с законодательством в США за последние два года, это, безусловно, начиная с ближайших выборов будет negative ..., это глубоко укорененные убеждения, что проблемы, с которыми приходится иметь дело, настолько сложны, что избирателю непонятно. Поэтому выборы выигрываются или проигрываются отчасти потому, хорошо загримировали Никсона или плохо во время теледебатов, но не потому, что мы собственно обсуждаем. Обратите внимание, что все время у нас две элемента путались при обсуждении меритократии. Один элемент – это принцип отбора кадров, каков уровень экспертизы для рекрутации людей в чиновничий класс, в политику, и так далее. Обращаю ваше внимание, кстати, что мы почти не говорили, только Райнер Миллер говорил о *corporate* ... только в этой системе существует система ступенчатых экзаменов, то есть вы получаете образование, у вас есть какой-то уровень компетенции, но если вы хотите занять уровень топ-менеджера в банковской или в консалтинговой системе, то вам надо сдать еще дополнительный очень сложный экзамен. И так дальше. У нас, собственно, диплом о высшем образовании является частью пакета бумаг, который составляет входной билет на вообще эту площадку публичной политики. Но есть другой уровень. Это качество принятия решений. Это то, о чем говорил Финн Холмс, потому что очевидно, что чем больше (говорит по-английски), тем меньше возможности для осуществления принципа открытого и критического обсуждения не только принимаемых решений, не только того, как мы должны что-то сделать, но и вообще, что является важным для современного общества, ведь демократия добилась того, что до 2008 года люди, которые пытались поставить вопрос о том, что с экономикой что-то не в порядке и вообще что-то надо делать, не помещались в сумасшедшие дома, как это делала советская власть, но они помещались в символический сумасшедший дом. То есть, происходила некая фильтрация повестки дня, которая, собственно, и препятствовала реализации меритократического принципа – те, кто функционирует в академической среде, знают, что представляет собой процесс научной критики: открытость, цитируемость и все такое. Мы видим прекрасно, как современная демократия создала институты и механизмы, которые не позволяют вполне осуществляться этому принципу. Значит, если публичная политика в виде выборов уже не дает такой площадки, если правительственные структуры в силу своей секретности не дают такой площадки, то есть еще одна надежда – это внутрипартийные форумы. Может быть, где-то это работает, но совершенно очевидно, это не работает в России, потому что идея о какой-то фракционной полемике, дискуссии в «Единой России» - это просто PR-акция, и больше ничего. Значит в России этого пространства для осуществления квалифицированного принятия решений в той или иной степени открытого для публичного обсуждения просто нет, потому что еще и медийная среда построена таким образом, что она не позволяет осуществиться никакой национальной дискуссии, потому что для национальной дискуссии вам нужна «Газета выборча», «Бильд» или что-нибудь еще такое, похожее. В России этого нет. Поэтому российская система для реализации меритократического принципа на всех уровнях работает крайне неэффективно. Она хуже китайской, которая недемократическая, она хуже западной, которая тоже плохо справляется с этими проблемами, хотя пусть она демократическая, в этом смысле любопытно, обратите внимание, мы начали с того, что у демократии есть какие-то проблемы с легитимностью, потом очень быстро было сказано, что нет, ребята, это мы отбрасываем, это несерьезный разговор, интеллигенты, которые

живут в недемократических обществах очень любят порассуждать о проблемах демократии, поэтому все заткнулись, эту тему мы не обсуждаем. А на самом деле, у демократии есть очень серьезные проблемы с легитимностью, собственно, об этом сейчас и шла речь. У нас еще пять лет назад, если мы обсуждали демократию, первый тезис был такой, что все экономически благополучные страны – это демократические страны. Демократия обеспечивает наиболее эффективное экономическое развитие. Сегодня мы знаем, что это не так. Больше того: мы знаем, что то, что сделал Китай – вынул из бедности 250 млн человек примерно за 20 лет, демократия не сумела осуществить за весь послевоенный период своего развития. Дальше, что эта система эффективна и что она, собственно, обеспечивает реализацию меритократического принципа. Кажется только что я попытался объяснить, почему это не так. Поэтому действительно есть очень серьезная проблема. Но я бы сказал, что это не проблема выбора между демократией и меритократией. Это проблема, почему современная демократия не обеспечивает условий для реализации меритократического принципа.

Сергей Брилев: Алексей, спасибо. Можно 20-секундную ремарку. У меня есть любимый пример. Пример называется газета «Бежецкая правда». Это районная газета в Тверской области. У нее доля читателей в районе 35 процентов жителей района. Если перевести это на язык федеральных публикаций, то, например, у газеты «Коммерсант» тираж должен быть миллионов пять. А там где-то 150 тысяч. К вопросу о площадках российских, которые сейчас обсуждали. Здесь на самом деле есть вещи, которые никто ими не занимался. Фейсбучно федерально-газетная дискуссия это одно, а есть совершенно другая вещь, там вполне себе качественный мыслитель. И не обязательно такое послушное большинство электоральное.

Александр Аузан: Уважаемые коллеги, давайте мы сепарируем две сущности. Потому что действительно тяжело, а может быть даже бесполезно обсуждать вещи, когда им дается сакральная постановка. Причем это относится как к демократии, так и меритократии. Потому что, Александр, когда мы говорим о том, что Китай идет от меритократии к демократии, может быть. Но если мы посмотрим на сто лет истории Китая с середины 19 до середины 20 века, то, в общем, я не знаю, через что нужно пройти от меритократии к демократии, как это называлось. И это одна из самых страшных картин мировой истории. Поэтому, я думаю, что в Китае наступает некая такая новая сакральность объяснения того, что тысячелетиями эти принципы держали страну, в то время как они не очень-то ее удерживали в течение целого ряда веков. То же самое относится и к демократии, потому что не в 21 веке возник феномен, который обсуждался. Когда первый французский президент стал немедленно последним французским императором. Луи Бонапарт это феномен расширения демократии в центре Европы в 19 веке, который много раз обсужден и исследован уже тогда. Поэтому я бы предложил, с одной стороны, согласиться с тем, что сакрализация таких основ штука очень полезная в смысле сокращения издержек управления, достижения консенсусных идеологий в обществе и т.д. Но когда мы переходим на научные уровни, то лучше отказаться от сакральных пониманий как демократии, так и меритократии и говорить о некоторых институтах. В этом смысле, Таллок написали книгу «Расчет согласия» и пошли такого рода экономические исследования в отношении того, как работает демократия при реальной раскладке интереса чиновника, депутата, тех или иных групп, максимизация рент и т.д., в общем, я думаю, ни для кого уже давно не секрет, более того, достояние науки то, что демократия может давать очень плохие эффекты или сравнительно хорошие эффекты при том или ином сочетании факторов. Например, весьма важным фактором, о чем справедливо говорил Алексей Миллер, является уровень образования в обществе. Я добавлю, так же несомненно распределение материальных ресурсов, потому что мы понимаем, что наиболее устойчивые демократии, возникшие ценовым путем, потому что

деньги проходили через голову, ответственность формировалась через прямую потерю. И это довольно ясная истина для сублимированного мира, потому что мы, конечно, можем снова запустить снова колесо ценза в демократии. Но то, что в Европе называют селективными налогами, а я бы назвал скорее элективными налогами, потому что это голосование налогово-денежной единицы за то или иное направление развития, это в общем попытка опять запустить деньги через головы для того, чтобы вот эта противоположность, о которой говорил Александр, между технократией и популизмом, чтобы несколько сбалансированы были эти вещи, то есть чтобы были добавлены некоторые элементы технократического рассуждения при обсуждении решений, которые могут оказаться популистскими. Поэтому, мне кажется, к чему движется осознание в понимании вот этих работающих институтов. К вопросу о справедливости ставился в исходных материалах к нашему обсуждению. Я напомним, что когда после книги Джона Ролза «Теория справедливости» пошли дискуссии и опять в нее влезли экономисты, то Каршани показал простую вещь, что Ролз был бы несомненно прав насчет благополучия самого последнего из граждан как способа максимизации справедливости в обществе, если бы склонность к риску в этом обществе была равна нулю. Если в этих обществах никто не хотел бы занять высокие позиции при этом с готовностью рискнуть. Да, есть общества с низкой склонностью к риску, а есть общества с высоким избеганием неопределенности и т.д. Поэтому, я бы сказал, к чему идет обсуждение. Мы просто узнаем про демократию все больше и больше, что неплохо. Мы понимаем, что она себя ведет по-разному в разной среде. Может быть, мы немного научаемся тому, как учитывать наличие вот этой самой среды для того, чтобы менять те или иные институты и, я думаю, Евросоюз, о чем опять говорил Александр, по-моему, очень правильно, это не только проблема конструирования, это еще проблема, как это сделать при том, что группы руководствуются разными ценностями, у них разные горизонты мышления, при этом эти группы не внутри одной страны, а внутри достаточно большого союза, представляющие собой, по крайней мере, два, может быть, три типа разной культуры в смысле комбинаций ценностей и установок. Поэтому мне представляется важным разговор о том, что мы, по-моему, вошли в сферу, когда мы можем говорить уже не просто о формальных институтах, о том, как они сконструированы, а о неформальных институтах. Потому что 50 лет кросс-культурных исследований по разным методикам – и Голхард, Тромпенаарс, Хафтстели и т.д. доставили довольно большой материал кросс-культурных сравнений, которые позволяют просто строить графики. У меня флешки здесь. Если вы скажете, а какие, собственно, графики, так я покажу. В общем, мы можем этими графиками даже объяснять определенные вещи как в выборе политических институтов в теории общественного выбора, но пока, я бы сказал, очень примерно объяснять, гипотетически объяснять, но предполагать, как ценностно-поведенческие процессы и сдвиги могут влиять на процессы политического выбора и экономического выбора тех или иных специализаций, трансформаций и т.д. Поэтому, возвращаясь к тому, что, честно сказать, меня интересует гораздо больше, чем, скажем, история Китая, российская ситуация, то мне так кажется, что корень нынешней российской ситуации находится именно в социокультурных ключах и блокировках, в тех ценностных и поведенческих рамках, которые не позволяют блокировать определенные варианты политического и, что для меня может быть даже и важнее, экономического развития в стране. Можно ли как-то двигать эти рамки, можно ли с ними что-то делать? Да, почему нет? Ровно для этого существуют университеты. Вообще напомним, что по Инглхарту, по второй его гипотезе ранняя зрелость, возраст от 18 до 25 лет является временем кристаллизации ценностей. И тем самым возникновение тех структур, в которых будут двигаться политические, экономические решения через 10-20-25 лет. Я бы сказал, что нынешняя российская ситуация определяет будущую российскую ситуацию тем, что происходит в университетских системах. А в университетской системе, на мой взгляд, есть два очень важных тренда. В России перепроизводство университетов. 88 процентов школьников

поступают, что, в общем, не исключительная цифра, по-моему, она ниже в некоторых странах Европы, в Южной Корее и т.д. Но тем самым университеты сейчас реализуют сейчас сразу две функции. Когда говорят, что давайте мы уничтожим плохие университеты, я думаю, что это страшно опасно в социально-политическом смысле. Потому что альтернативой плохим университетам, когда школы перестанут готовить к жизни, а начали людей готовить к университетам, человек, оказавшись на улице, он рискует попасть либо в армию, что, может быть, неплохо, либо в тюрьму, что существенно хуже. Третьим вариантом является плохой университет. В этих условиях плохой университет совершенно не худший из выбора, потому что плохой университет не производит профессионала. А кого он производит? Я смею утверждать, что российские плохие университеты массово производят средний класс в России. Потому что средний класс, с моей точки зрения, насколько я знаком с поисками моих коллег Татьяны Малевой и ее прошлого института, нынешнего института, это прежде всего самоидентификация и поведенческие установки. Обучение тому, что денатурат пить не надо, фитнес находится за углом, а деньги можно хранить на таких или иных формах депозита, что, кстати, дает очень серьезные эффекты для экономики, это результат плохих университетов. А что же мы видим с результатом хороших университетов. Хорошие университеты они в принципе должны были бы производить те элитные группы в разных областях деятельности - исследовательско-консалтинговое управление в корпоративном секторе, в государственной службе и т.д., которые и будут сильным или сильнейшим образом влиять на изменения структур. Поэтому, мне кажется, что здесь задача состоит в том, можем ли мы, например, за 10 лет в университетах сдвинуть некоторые параметры. Например, сейчас высокая дистанция власти по опросам в России сочетается со сравнительно высоким индивидуализмом и при этом с довольно высоким уровнем избегания неопределенности. По существу это означает, что всегда будет делаться выбор не в пользу оптимизации, а в пользу сохранения статус-кво в сокращении потерь и т.д. Можем мы, например, в российских элитах хотя бы понизить уровень избегания неопределенности и открыть путь для сценарного мышления, для понимания того, что выход из этой ..... не обязательно означает крушения страны. Я думаю, что в общем эта задача, по крайней мере, которую можно обсуждать Спасибо.

Сергей Брилев: Спасибо большое. Беда в том, что, конечно, на примере европейского банковского сектора мы видим, что и меритократия не работает, если бы она работала там, то жили бы мы сейчас в какой-то другой стране и в другом мире. Ну да ладно. К этому вернемся. Оксана или Надежда, кто из вас, решите между собой. Оксана все-таки. У нее привилегированное положение. Но она сделает в перерыве. К вопросу о демократии и меритократии.

Оксана Гаман-Голутвина: Я откликаюсь на призыв больше говорить о всей и чтобы закольцевать тему, возвращаюсь к началу дискуссии и к примеру с Сингапуром. Я бы начала с того, что сингапурский опыт при всем его относительном успехе в России в принципе не применим как минимум по двум обстоятельствам. Во-первых, несмотря на активный приток китайцев, китайцев в относительном выражении пока еще в России мало. И по этой причине сингапурский опыт имеет те же перспективы, что и шведский социализм в России. Мало китайцев. Во-вторых, в России слишком много земли. Как известно, в Сингапуре порядка 15 процентов государственной территории составляет искусственно созданная территория. У нас ситуация другая. Поэтому не думаю, что надо идти вслед за Сингапуром. А если обращаться к ключевому вопросу дискуссии, то я бы с академическим занудством заметила, что демократия и меритократия не просто совместимы, я полагаю. Что демократия не есть и это очевидно синониму уравнительности. Поэтому по определению предполагает неравенство. При этом неравенство, основанное на заслугах и достоинствах, представляется наиболее

справедливым при всем при том, что справедливость и сущность оспариваемое понятие и потому остается такой некоей фата-морганой в практической реализации. И, тем не менее, можно сказать, что демократия, основанная на меритократии, это такая мерцающая реальность. Причем мерцающая в каждом случае по-разному. И причин этой мерцательной меритократии несколько. Я бы сказала, внутренне неразрешимые противоречия. В чем они. Я бы выделила два класса противоречий. Во-первых, имоментные противоречия, во-вторых, технологические. Имоментные в том смысле, что никогда не будет достигнут консенсус относительно того, какие именно основания являются системообразующими для меритократии. Условно говоря, ум, талант, финансовое состояние и т.д. При том, что большинство сойдется на уме и таланте, но при этом все сторонники этой позиции, я, честно говоря, не исключение, в любом случае мы сойдемся на том, что меритократия всегда аристократична. Скажем, в этом смысле можно вспомнить Ницше и его прекрасную формулу: жизнь - источник наслаждений, но там, где бродят толпы, этот источник безнадежно отравлен. А второй класс противоречий технологический. То есть нормативно меритократия возможна только в условиях демократии, а последняя невозможна в закрытом обществе. Я думаю, что с этим тоже вряд ли кто-то будет спорить. Но проблема заключается в следующем. Не во всяком открытом обществе существует открытый тип рекрутирования элиты. И не во всяком закрытом обществе есть закрытый тип. Парадоксальная ситуация. Мы рассуждаем об открытом обществе вслед за Карлом Поппером. Открытое общество это то, которое активно обменивается ресурсами и информацией с окружающей средой. При этом классический вариант. Специально сошлись на хрестомативном примере. Российское общество 30 и 50- годов 20 века было тоталитарно закрытым. И при этом в определенный момент существовал открытый тип рекрутирования, когда механизмом внутриэлитных отношений была чистка. Если мы посмотрим биографию людей, которые вошли в конце 30-х годов, почти все биографии, 90 процентов, начинаются с одной и той же фразы: родился в крестьянской семье. Мы не будем сейчас обсуждать, хорошо это или плохо. Мы просто констатируем открытый тип элитного рекрутирования. Надо сказать, что если теоретически в западной литературе впервые рефлексия меритократии была представлена, пожалуй, в 41 году Бернемом «Революция менеджеров», то практические пути к этому мировая практика знает много. И эти пути очень различные. Эти пути к храму очень отличаются. Достаточно просто перечислить, скажем, китайский опыт, про это сегодня мало говорилось, какие экзамены, на знание каких предметов. Литература - изящная словесность, говоря русским языком, да. Известен французский вариант, известнее британский вариант, немецкий. Но они все разные. Иначе говоря, нет меритократии в единственном числе, есть меритократии во множественном числе. Соответственно, думаю, что нет одного нормативного ответа на вопрос об инвариантных основаниях меритократии. Но зато известны условия, без которых она немыслима. Я думаю, как минимум, две вещи. Она невозможна без политической воли, как невозможна без этого условия любая элита как сообщество людей, принимающих решения. Без этого нет власти. И, во-вторых, невозможно без элитного консенсуса. С этим сложнее.. Если обратиться к российскому примеру, то здесь можно вспомнить типологию нашего американского коллеги Джона Хигли, который предложил типологию трех моделей внутриэлитных отношений. Это консенсусы объединенной элиты, фрагментированная элита и идеологически объединенная. С ним можно согласиться в том, что консенсусно объединенные элиты являются матрицей либеральной демократии. Без этого либеральная демократия невозможна. Что же тогда в России? В России, с моей точки зрения, ситуация заключается в том, что это только в Греции, как говорил чеховский герой, все есть. А в России не хватало многого, в том числе элитного консенсуса. И я бы сказала, в данном отношении ..... не есть фигура речи. Я в назывном порядке перечислю. Начало 19 века, столкновение Александра I и декабристов. Люди добивались одного – конституционной крестьянской реформы. Вместо солидарной деятельности, они вошли в смертельную

схватку. А возьмем эпоху реформы Александра 2. Царь-освободитель, который получил известный результат, пусть не от элиты, но от прообраза контрэлиты. И здесь важен не только сам механизм, а важна культура отсутствия компромисса. Только одна маленькая картинка. Известно, что 4 февраля пятого года погиб очень проблемный такой деятель, великий князь Сергей Александрович. Интересно Гессен в «Архиве русской революции» рассказывает о том, какова реакция была московского образованного общества. Он цитирует московского профессора, который сказал следующее. Картина была такова, что тело разорвало так, что даже голову не смогли найти. И комментарий. Далее цитата. «Довелось-таки и великому князю пораскинуть мозгами». Какой тут личный консенсус? Иначе говоря, пять виселиц казненных декабристов и пять виселиц народовольцев это такие мрачные переключки. И здесь прав, безусловно, поэт, который сказал: даже находясь у жалования у полиции, революционеры не смогли бы больше преуспеть в предотвращении реформ. И самое последнее. Почему я говорю, что .... не фигура речи в российском случае. Потому что сбылось предсказание мыслителей русского зарубежья, которые писали: после коммунизма Россия выйдет без элиты. В итоге говоря, после коммунизма механизмом внутриэлитных отношений предстало, что война всех против всех, а инструмент внутриэлитного взаимодействия в 90-е годы - автомат Калашникова сегодня немножко изменилось, но суть осталась. И, к сожалению, можно сказать, что и сегодня внутриэлитное размежевание порой оказывается более глубоким, чем размежевание по линии элиты в массы. И порой массовое движение выступает ресурсом в руках разных элитных группировок. Спасибо.

Сергей Брилев: Короткий вопрос в связи с тем, что было сказано. А вопрос адресован Александру Ломанову. Экзамены прежней эпохи были описаны аккуратно и понятно, какие качества они формируют. Я читал, что современная правящая верхушка в Китае фактически целиком имеет высшее техническое образование. Это, наверное, другой уровень и другой тип компетенции.

Александр Ломанов: Это интереснейший вопрос. Потому что мы говорим о том, что китайская элита технократична и у нее не было раньше докторских степеней. Теперь у них всех докторские степени. В конце прошлого года произошел переход от политбюро инженеров к политбюро экономистов и юристов. Все, точка. Это связано исключительно не с тем, что изменились приоритеты, не с тем, что какие-то новые цели, а просто это вот эта десятилетняя разница в рознице. Ушли те, кто изучал до Культурной революции энергетику, гидротехнику, мелиорацию и прочие нужные вещи, и пришли те, кто уже пришел в политику после Культурной революции и кто имел возможность получать докторские степени, что называется, без отрыва от руля государственного управления.

Сергей Брилев: Получается, что латиноамериканский опыт, представленный мной за этим столом, мне очень нравится пример моего любимого Уругвая, страна, которая в свое время хотела стать латиноамериканской Швейцарией и пошла на прямые и пропорциональные выборы и парламента, и исполнительной власти, да еще и разделилась власть на президента, отвечавшего за силовиков и на совет правительства, отвечавший за экономику. И демократия была доведена до абсолюта. И привело к абсолютному коллапсу системы, хотя она бесконечно пополнялась новыми кадрами. И к чему пришел Уругвай через 60 лет после этого, а все присутствующие здесь смотрят рейтинги экономист, а это единственная латиноамериканская страна, входящая в двадцатку самых демократических стран мира, привело к анонимным экзаменам среди чиновников на предмет заполнения должностей, это единственный способ, который работает. Чиновничий аппарат обновляется только на этом принципе, а демократия работает в узком сегменте, например, раз в четыре года обновить парламент с президентом. Но это в качестве парадокса. Надежда, прошу.

Надежда Арбатова: У меня действительно очень короткий комментарий к замечанию, которое прозвучало в выступлении Александра Смолера о том, что, несмотря на то, что Россия гораздо более демократична, чем Китай, Китай считается успехом, а Россия нет. Мне кажется, ответ очевиден на этот вопрос. На Западе и прежде всего в странах Европейского союза, к Китаю и России относятся по-разному, судят их по разным меркам. Россия все-таки это европейская страна. И поэтому Запад не удовлетворен ее продвижением под коммунистическим развитием. Китай это нечто иное. И поэтому Китай судят совершенно по иным меркам. На мой взгляд, пока нас критикует Европа, все не так плохо. Когда нас перестанут критиковать, вот это будет ужасно. Это значит, на нас поставили крест и мы стали или большой Белоруссией или слабым Китаем. И еще последнее замечание. На мой взгляд, это тоже удивительная вещь – разница между Китаем и Россией. В Китае можно применить знаменитую марксистскую формулу, что политика это концентрированное выражение экономики. В России прямо наоборот. Экономика это концентрированное выражение политики или политической системы, которая у нас есть. А этой политической системе не нужна демократия. Сырьевой экономике не нужна демократия, не нужна наука. Это очень большое различие. На этом пути, я думаю, мы должны приложить все усилия. Если мы хотим, чтобы нас критиковали по-прежнему. Когда-то в Китае говорили, что винтовка рождает власть, а у нас власть всегда рождала богатство.

Ольга Малинова: Я осмелилась протянуть руку для того, чтобы сказать несколько слов более точно относящиеся к теме этой панели – про меритократию в контексте ценности идеологии и морали. Как мне показалось, про идеологию и ценности до сих пор речи не было. Я хочу соотнестись с выступлением Сергея Александровича Караганова в самом начале нашего заседания и с его загадочной фразы относительно того, что 20 лет назад нам надо было подумать над воспитанием нового человека. Мне кажется, что если обсуждать тему демократии и меритократии, то в российском контексте для реализации обоих принципов, как принципов селекции элит, принятия решений и т.д., надо было бы подумать о воспитании нового человека. И, мне кажется, что очень не случайно, что за этим столом много говорили о Китае. Видимо, в этом смысле у разных обществ разные традиции. И российская традиция, по крайней мере постреволюционная, складывалась таким образом, что и для меритократии не было особой традиции культуры сформировано. Что не значит, что в реальной практике этот принцип меритократии не учитываем. Нет, просто он не артикулирован как некий принцип, который может рассматриваться как ценность. На мой взгляд, это обстоятельство позволяет замечательно манипулировать с обеими идеями – и демократии, и меритократии. Посмотрите, в последнее время как-то стали меньше говорить о суверенной демократии, но я обратила внимание на то, что охотно говорят о демократии, причем о демократии как принципа правления большинства. Действительно, коль скоро ныне действующие элиты и ..... , избранное большинством, и за этим лицом стоит проголосовавшее большинство, то весь смысл упирается на демократию, как право большинство, навязывать свою волю вот этому меньшинству, деятельность которого Сергей Брилев освещал по субботам. Но, с другой стороны, совсем-то без меритократии никак нельзя. Я обратила внимание на то, что параллельно в дискуссии истеблишментом на протяжении уже достаточно долгого времени все чаще стали появляться рассуждения на тему о экспертном знании, его ценности, его воле, стремлении к созданию некоторых таких институционализированных структур, к которым власть могла бы обращаться для легитимации принимаемых решений. Я на этом остановлюсь и кончу приводить примеры. Суть моей реплики в том, что в отсутствие сложившейся традиции, которую рассматривает демократия и меритократия как ценностно нагруженные принципы, оба принципа могут работать или не работать, но в то же время ими как ценностями очень легко и просто манипулировать.

И в этом смысле, конечно, России не достает той традиции, которая есть в Китае, и той традиции, которая есть на Западе.

Christopher Caldwell: I have three comments. One has to do with the personal choice the second has to do with the term “meritocracy” and the third has to do with corruption.

Some of the debate which we witness today start from the assumption that the societies can make choices; you can choose either this model or that model, or the other model. And perhaps in academic seminars we can do it but in really existence society it’s a little bit more difficult. So I think we should be very careful about it, and also remember, remind that was said that perhaps the worst mistake of making choices was eventually had to adopt after revolution of 1917 with a model that was developed by Karl Marks in the West was in postal society or bolshevism or the communist soviet regime had to do with incapability of an analysis, had to do with western developed industrial society, with society which was on the virtual model. It was basically still made a majority of peasant society, which I think quoted Mark and Arbatova.

I am not a determinist, but it was Marx who said that “people do make choices, but they do not make choices about the conditions in which they have to make the choices”.

This is I think something that one bear in mind, it always contextual. So the question is to take into account and this was mentioning, the political culture of an existing society which doesn’t determine future development exclusively but gives you the context in which you can have choices and all the choices are always limited, it’s not wherever you would like to have a Chinese model or an American model, or Swedish model, this is not the way it happens.

Let me briefly mention that in my own country history of the democracy is with a lot of problems. But democracy not because on the 15th of May in 1948 or someone else decided to accept a British model of parliament democracy because before were Jewish communities all over Europe and the Middle East. We are not based on a church model, but we are based on communities.

Elections they just fire them, if you don’t like the way you can also fire the Prime minister. So it came from strong political tradition its very grief and very sophistic but this is how it really happens.

Secondly the question of meritocracy, and Michael Yong has already mention, I think we are sometimes taking this term every day and it was already mentioned that all kinds of meritocracies. There was the old mandarin system in meritocracy or was it the way of making sure neither that nor a way of aristocracy can really develop political parliament. And one of the questions about literates and philosophers the best criteria for me that show that the person when he becomes a public servant will be a person equipped. We still leave the question about administration and social economy. I’m not so sure. The same price to the British service where British imperial service when you had exams for Greek and Latin which are very good but it made sure that only certain people of certain classes could have access to Britain Latin education and only they could be candidates to be servants. Was it also the best qualification? I am not so sure but it was in vain of perpetuating a certain social structure so meritocracy is also this element that came also in Michael Young.

Briefly about idea of corruption, of the corrupted people, I hope I’m not. Few years ago there was a man who was Kenya’s deputy one time; it was very interesting thing about his conception of corruption. And I always bring the argument: “In western democratic society if I give a job to somebody, because he is my cousin or come from the same tribe - this is corruption, this create

in US a sort of corruption. In my society”, - says (he comes from the Luo in Kenya), - “In my society if I do not give a job to my cousin I am an immoral person and therefore I am corrupted”.

So when we say “corruption” in unity term of the rule of law of western societies based on universalistic principals is one concept. When we come to other societies with obvious corruption it is simply the law to do by the moral concept of that society itself, it shouldn't legitimize but we should understand it.

At the end we always make many political choices, we discussing alternatives of any given society, American society, Russian or Chinese society, we have to contextualize it in its local framework. Which does not mean that it's local framework will determine absolutely what we happy but it will determine what kind of choices are possible, all the choices they are not abstract choices, but always choices in context. When we lose context, we have some monstrous things like collectivization of the Soviet Union based on a model which has nothing to do with the reality of that time of the Soviet Union.

Sergey Brilev: Thank you. Ivan I think I will be understood if you will be the last person to speak here.

Ivan Krastev: Ok I will be briefly. It was very interesting discussion and this is why I just want to make very brief remarks. The first one is how constrain democracy could be. Is there a level or a type of constrain which is going to become the problematic to the functioning of democracy? I'm saying this because my major argument is there is nothing wrong with constitutionalizing the certain economic decisions the problem is that when we picking economic decision making the electoral politics, what you need in politics and this much more to negotiate. This is going to be my qualification and this is why I didn't totally aware that all democracies are constrain democracies. So the problem is: is there a way so we could change the nature. There is a problem.

The second and this is very interesting for me. I don't know China, but what was interesting always in my point of view is Russian debate on China was that the certain part of Russian elite think that China has better results because it's more autocratic. And this is my problem. Because in 1989 we had two societies in which the elites had a consensus that the communism didn't work: Soviet and Chinese. Particularly there are two different definition of what does not work. Chinese believe in what is good is about communism or the communist party and what was bad about communism was everything else. On the other side in the Soviet Union the idea was that was good about communism was the socialist ideology and what was bad about communism was the communist party.

And we have on the base these two totally different developments. My major argument is going to be strange enough. Chinese type of a free communism and authoritarianism is more responsive than the Russian political system which is much more democratic institution terms. Because I'm going to give one purpose: Chinese are faking communism while Russia is faking democracy. But because of faking communism they can allow certain things that work. For example the number of a strikes class conflicts and others allows you to get a real information of what is happening in society. Because when we are monitoring internet it is quite good but I don't believe that they basically do it this.

And my last point. My major question about Russia is the following: it's not if you have good or bad institutional design but seen from outside in Russia we have a government which is based on the blowing institution that is creating itself. For example: United Russia was created as a political party and United Russia was destroyed by the people who created it. Seven persons

created the president. It's very important institution. And some persons decided to legitimize the institution of place where decisions are taken. So in my point of view this is a much more interesting mechanism because seen from outside in a certain way this is quote from Steven who cannot two false of state building one is based on capacity building the other on incapacity hiding. And I cannot see in the case of Russia for institution building nevertheless what kind of election interesting story is there is a play with institutions which can be subverted at any moment.

Sergey Brilev: Thank you, Ivan. The last phrase I think reasons to get another conference in case of subject of Russian reality.

Андрей Зубов: Я, во-первых, хотел бы сказать, что меритократия, по-моему, это цель любого общества. Нет такого общества, которое бы не стремилось, чтобы им управляли достойнейшие люди. Вопрос в том, как этого достичь. И здесь, собственно говоря, европейская традиция не менее древняя, г-н Ломанов, чем китайская традиция. Но теперь мы все знаем, что это тоталитарное государство. Это давно уже европейской философии известно. И в этом смысле путь реальной политики это путь Аристотеля. Когда было понято и теоретически осознано, что человек в принципе плох, и поэтому надо его контролировать. И как контролировать человека, когда все плохи - и избранные, и народ в сущности Полибий считал, что в Риме создали такую систему, в которой есть все три элемента – демократия, аристократия и монархия. Но вы знаете, что эта система быстро выродилась, и государство деградировало быстро, лет через 200. Сейчас, когда мы стоим перед этим вопросом, мы должны помнить, что меритократия достижима только тогда, когда все же люди у власти контролируются обществом. Потому что без контроля общества любая самая талантливая элита вырождается в олигарха, который живет для себя. Что, собственно говоря, имеет место в Китае и в России. Здесь я хотел бы заметить, что демократия позволяет в какой-то степени, хоть как-то контролировать эту тенденцию. И второй момент. Когда мы говорим о Китае или о России, нынешней России в понятиях меритократии, мы должны всегда помнить одну очень простую вещь. Это никакая не меритократия, это издевательство над меритократией. Издевательство по абсолютно простому принципу. Потому что в Китае революция 49 года, большой скачок и особенно Культурная революция полностью уничтожили традиционную элиту. И пришли мужики необразованные к власти типа Мао Цзэдуна, дикие люди. Та самая культурная элита, которая отбиралась экзаменами, которую сломали в цинском Китае в конечном счете, но все же, которая была, которую пытался в какой-то степени возродить неудачник Юань Шикай, когда провозгласил принцип небесной законности высшим принципом своего правления в 15-16 году, это все рухнуло полностью, уничтожено полностью. И сейчас это какократия, власть худших. То же самое в России произошло после 17 года, уничтожение всей традиционной элиты. Эмиграция всего культурного общества на Запад или уничтожение в 30-е годы. Из кого делается выбор. Поэтому сейчас самой главной задачей и для Китая и для России это выращивание элиты, выращивание новой культурной элиты. Я не знаю, сколько это происходит в Китае. Коль я общаюсь с китайскими коллегами, профессурой, то говорят, что там ничего подобного не происходит на самом деле и понятие Жень так ненавидимо, то есть, человеколюбие, как было ненавидимо и 20 лет назад. Хотя Ли закон сейчас в фаворе, в отличие от того, что было 20 лет назад. В России, по-моему, вообще это не происходит. Так что, я думаю, то, что не делает власть, по крайней мере в России, пользуясь тем, что как сказала только что Надя, мы ближе к Европе, должно делать общество, гражданское общество. Мы сами должны выращивать себя. Если этого не произойдет, никто о нас не позаботится. И власть худших, которая была установлена в России после Октябрьской революции, на самом деле анахронической контрреволюции, такой возврат России в 16 век, я думаю, что власть худших она будет воспроизводиться не очень долго. Кстати, в красном Китае тоже.

Федор Лукьянов: Спасибо большое. Мы с некоторым трепетом затевали это мероприятие с Иваном, с Сергеем Александровичем и прочими коллегами. Но тема такая несколько умозрительная. Лето, июль, климат и т.д. Как мы видим, ничто не может остановить русских, европейских и американских интеллектуалов от того, чтобы обсудить демократию и меритократию. Практически ничто. И то, что зал полон, с утра был переполнен, а до вечера он почти полон, показывает, что, во-первых, есть тема, во-вторых, есть мощный интеллектуальный заряд по-прежнему. Я хочу очень поблагодарить организаторов и Европейский совет по международным делам и Немецкий фонд Маршала и Центр либеральных стратегий, Софийский институт гуманитарных наук в Вене. Особая благодарность Фонду Горчакова. Здесь сидит Л.В. Драчевский, который позволил нам находиться в этом помещении. И вообще спасибо большое этому замечательному учреждению, которое уже 2-3 года помогает организовывать замечательные вещи. Естественно отдельная благодарность моим коллегам по Совету по внешней и оборонной политике, которые все это организовывали физически. Особенное спасибо переводчикам. Потому что тема жуткая для перевода. И естественно мы не закрываем тему, а ее только открываем. Потому что и в рамках СВОПа то, о чем говорил Сергей Александрович, будет большая программа развернута по идентичности российской, которая это включает в рамках клуба «Валдай», в этом году будет огромное заседание на эту тему и естественно в рамках всех прочих мероприятий. Как говорят на телевидении, оставайтесь с нами. И мы вас еще пригласим и сами с удовольствием приедем это обсудить куда угодно. Спасибо.